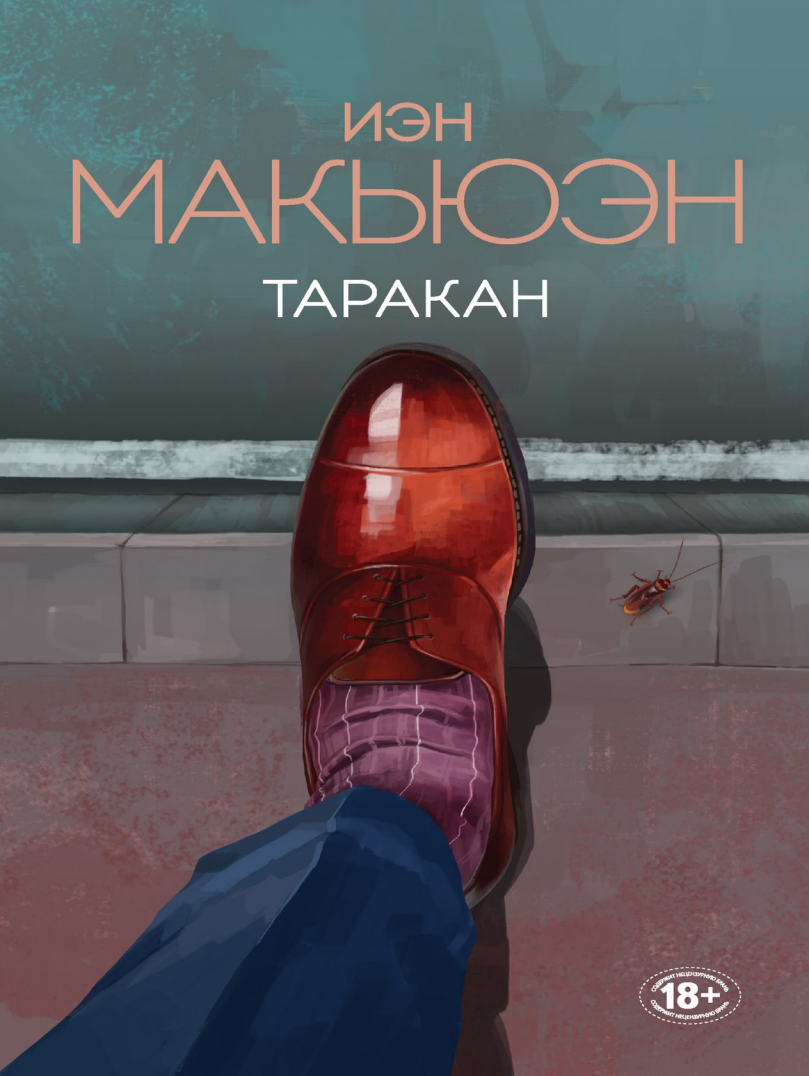

ИЭН
МАКЬЮЭН
ТАРАКАН
18+

Таракан
Иэн Макьюэн

Аннотация
Иэн Макьюэн. Таракан
Один
Два
Три
Четыре

Аннотация

«Тем утром Джим Самс – не гений, но с усами – проснулся после нелегкого сна и обнаружил, что превратился в гигантское существо».

В прошлой жизни он был презираем многими, но в своем новом воплощении он самый могущественный человек в Британии. Он прибыл, чтобы исполнить важнейшую миссию, и ничто не сможет его остановить – ни оппозиция, ни члены его собственной партии, ни даже принципы демократии.

Умно, остро, сатирически: вспоминая одно из самых известных произведений Кафки – «Превращение», Макьюэн рассказывает о современности, которая кажется слишком безумной, чтобы быть правдой.

Иэн Макьюэн
Таракан

Ian McEwan
The Cockroach

© Ian McEwan 2019
© Шепелев Д., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Тимоти Гартону-Эшу [1]

Эта повесть представляет собой художественный вымысел. Имена и характеры действующих лиц являются плодом авторского воображения. Всякое сходство с реальными тараканами, живыми или мертвыми, совершенно случайно.

[1] Примечания: 1

Тимоти Гартон-Эш (род. 1955) — британский историк, автор книг и публикаций, посвященных политике и современной истории Центральной и Восточной Европы. *Здесь и далее примеч. пер.*

Один

Тем утром Джим Самс — не гений, но с усами — проснулся после нелегкого сна и обнаружил, что превратился в гигантское существо. Довольно долго он лежал на спине (не самая его любимая позиция) и ошарашенно смотрел на свои далекие ступни, их малочисленность. У него теперь было всего четыре конечности, и они не шевелились. Его прежние, коричневые, лапы — он уже испытывал по ним ностальгию — сейчас бы задорно месили воздух, пусть от этого и было бы мало толку. Он тихо лежал, борясь с паникой. У него во рту гнездился мясистый орган, влажный, скользкий кусок плоти — какая гадость, особенно когда он сам собой ощупывал пещеру его рта и, как отметил Джим с тревогой, скользил по частоколу зубов. Он воззрился на всю длину своего тела. Окрас у него был, от плеч до щиколоток, бледно-голубой, с синей оторочкой на шее и запястьях, и с белыми пуговицами, шедшими в ряд вдоль слитного корпуса. Корпус периодически овевал порыв воздуха, приносивший не лишенный приятности запах разлагавшейся еды и зернового

спирта, и Джим догадался, что это его дыхание. Его угол зрения досадно сузился — фасеточных глаз больше нет, — а буйство красок угнетало. Он начал понимать, что, по насмешке судьбы, его уязвимая плоть располагалась теперь снаружи скелета, который он даже не мог видеть. А как бы его утешил знакомый перелив коричневых пластин.

Все это было само по себе скверно, но, стряхнув с себя остатки сна, он осознал, что у него была какая-то важная одиночная миссия, хоть он и не мог вспомнить, в чем она заключалась.

«Я опоздаю», — подумал он, попытавшись приподнять с подушки голову, которая весила, должно быть, не меньше пяти килограммов. «Это так несправедливо. За что мне это?»

Фрагментарное сновидение, которое он видел, было глубоким и безумным, в нем его преследовало хриплое эхо, звучащее в постоянном диссонансе. Только теперь, уронив голову обратно на подушку, он начал прозревать свой сон — мозаику воспоминаний, впечатлений и намерений, которую он безуспешно пытался сложить.

Да, он оставил приятно ветшавший Вестминстерский дворец втихую, по-английски. Как и

было положено. Секретность прежде всего. Ему ли не знать. Но когда точно он двинулся в путь? Несомненно, после темноты. Прошлым вечером? Позапрошлым? Должно быть, он ушел через подземную парковку. Если бы он выбрал главный вход, ему пришлось бы миновать начищенные ботинки полисмена. Теперь он вспомнил. Он спешил вдоль водостока, пока не достиг края внушавшего ужас перекрестка Парламент-сквер. Увидев стоявшие в ряд, рокотавшие моторами машины, которым не терпелось впечатать его в асфальт, он бросился наперерез, к водостоку на дальней стороне. После чего — казалось, прошло не меньше недели — он преодолел другую внушавшую ужас дорогу, стремясь к нужной стороне Уайтхолла. Что дальше? Он пробежал много ярдов, это не вызывало сомнений, а потом остановился. Почему? Ах да, он вспомнил, в чем было дело. Тяжело дыша всеми своими дыхальцами, он отдохнул у большого водостока, чтобы подкрепиться выброшенным куском пиццы. Весь кусок он не одолел, но надкусил изрядно. Ему повезло, что это была «Маргарита». Он ее обожал. Никаких оливок. По крайней мере, ему ни одной не попалось.

Его новая громоздкая голова, как он обнару-

жил, могла без особых усилий поворачиваться на 180 градусов. Он повернул ее в одну сторону. Он находился в маленькой чердачной спальне, залитой резким утренним солнцем, — занавески не были задернуты. Рядом с кроватью стоял телефон, даже два. Его ограниченный кругозор охватил ковер и остановился на плинтусе с узким зазором под ним.

«Я мог бы заползти туда от утреннего света, — подумал он с грустью. — И был бы счастлив».

По другую сторону комнаты стоял диван, а рядом, на низком столике, хрустальный бокал и пустая бутылка виски. На кресло был наброшен костюм и чистая, сложенная рубашка. На столе побольше, у окна, лежали две папки, одна на другой, обе красного цвета.

Он понемногу наловчился двигать глазами, сообразив, что они действуют парно, без его участия. Он обнаружил, что язык лучше не высовывать наружу — так с него капало на грудь, — а держать во влажных пределах рта. Ужасно. Но он постепенно приноравливался управлять своим новым телом. Он способный. Что беспокоило его, так это необходимость выполнять неведомую миссию. Он знал, что должен принимать важные решения. Внезапно его внимание при-

влекло какое-то движение на полу. Он увидел миниатюрное тельце своего собрата, каким он был совсем недавно, и подумал, что смотрит на собственное тело, захваченное душой великана, в которого он превратился. Он смотрел, движимый заботливым интересом, как это крохотное создание перебирается по бороздам ворсистого ковра, направляясь к двери. Достигнув двери, путник остановился в нерешительности, шевеля усами с видом новичка. Наконец он собрался с духом и полез под дверь, за которой его ожидал трудный и опасный спуск. Путь до дворца был долгим, и одолеть его было под силу не каждому. Но если он сумеет туда добраться, избежав смертельных опасностей, его там ждет, за панельной обшивкой или под досками пола, безопасность и покой среди миллионов себе подобных. Джим пожелал ему удачи. Но ему следовало подумать и о собственном положении.

И все же Джим не шелохнулся. Это мало что поменяло бы — любое движение тщетно, пока он не сложит отдельные события, приведшие его в эту незнакомую комнату, в связное путешествие. Так что он вернулся к воспоминаниям. Подкрепившись пиццей, он поспешил дальше, почти не обращая внимания на суматоху наверху, занятый

тем, чтобы держаться в тени водостока, но далеко ли он продвинулся, он не знал. Следующее, что он помнил, это возникшее на пути препятствие, а именно навозную горку, еще теплую, чуть курившуюся. При других обстоятельствах он бы обрадовался. Он считал себя в некотором смысле гурманом. Умел жить с комфортом. А это добро он мог узнать без колебаний. Да и кто бы не узнал этот пикантный аромат с нотками бензина, банановой кожуры и седельного мыла. Конная гвардия! И зачем он только наелся пиццы. «Маргарита» отбила у него аппетит к навозу, пусть даже к такому свежему и изысканному, — ни малейшего желания, учитывая его усталость, карабкаться наверх. Он присел в тени горки, на ее упругой подошве, и раскинул умом, как быть дальше. После секундного раздумья ему стало ясно, что делать. Он решил забраться по вертикальному гранитному бордюру, чтобы обойти этот завал и спуститься с другой стороны.

Лежа теперь в спальне на чердаке, он решил, что как раз тогда он утратил свободную волю, или иллюзию таковой, и подпал под влияние более могучей силы, увлекшей его за собой. Забравшись на тротуар, он подчинился коллективному сознанию. Он был крошечным элементом системы

такого размаха, что никакой отдельный разум не мог ее постичь.

Он заполз на верх бордюра, отметив, что навозные кучи занимают третью часть пути через тротуар. А затем, откуда ни возьмись, на него вдруг налетела буря, грохот десяти тысяч ног, вместе с пением и ревом, свистом и воплями. Очередная безумная демонстрация. И в такое позднее время. Эти сумасброды создавали неприятности, вместо того чтобы сидеть дома. В последнее время акции протеста устраивались почти каждую неделю, нарушая работу общественных служб, мешая рядовым законопослушным гражданам заниматься своими делами. Он застыл на бордюре, ожидая, что его сейчас раздавят. Подошвы шагавших — каждая длиннее его в пятнадцать раз — утрамбовывали асфальт в нескольких дюймах от того места, где он съежился, дрожа усами. К счастью, в какой-то момент он взглянул наверх, поддавшись духу фатализма. Он был готов к смерти.

Но как раз в тот миг он увидел возможность спасения — зазор в процессии. До следующей волны демонстрантов оставалось пятьдесят ярдов. Он увидел, как плещутся по ветру их транспаранты, развеваются флаги, желтые звезды на голубом. И

Юнион Джеки. Никогда еще за всю свою жизнь он не несся с такой скоростью. Запыхавшись всеми своими дыхальцами, он достиг тяжелых железных ворот на другой стороне, за пару секунд до того, как демонстранты продолжили утрамбовывать тротуар, топоча как бешеные кони, улюлюкая и ударяя в барабаны. Охваченный смертным страхом и негодованием (не самое лучшее сочетание), он соскочил с тротуара и, спасая жизнь, заполз под ворота и оказался на благословенной, относительно тихой боковой улице, где тут же узнал уставной ботинок полисмена. Как всегда, кстати.

Что дальше? Он последовал по пустому тротуару, мимо ряда дорогих домов. Он определенно действовал по плану. Коллективное феромонное бессознательное членистоногих наделило его инстинктивным пониманием правильного курса. После получаса однообразного движения он остановился, словно иначе и быть не могло. На дальней стороне улицы собралась толпа примерно из сотни фотографов и репортеров. А на его стороне, на одном с ним уровне, располагалась дверь, у которой стоял еще один полисмен. Едва он это отметил, как дверь открылась и показалась женщина на шпильках, чуть не раздробив ему

девятую и десятую брюшные доли. Дверь осталась открытой. Возможно, ожидался гость. Джим заглянул в гостеприимный, мягко освещенный холл, с плинтусами, довольно потертыми — это обнадеживало. Поддавшись внезапному импульсу, словно чужой воле, он вбежал внутрь.

Он неплохо устроился, учитывая обстоятельства, если лежал на этой незнакомой кровати и вспоминал такие подробности. Приятно было знать, что его мозг, точнее разум, почти не пострадал. Несмотря на это превращение, он сохранил свое истинное «Я». В холле он направился было к плинтусу, но затем увидел кошку и метнулся в сторону лестницы. Забравшись на три ступени, он оглянулся. Кошка, коричневая с белым, его не заметила, но Джим решил, что спускаться опасно. Так что он начал долгое восхождение. На втором этаже по пролету ходила уйма людей, переходя из комнаты в комнату. Растопчут и не заметят. Час спустя, когда он достиг третьего этажа, там нещадно пылесосили ковры. Он знал многих несчастных, погибших вот так, растворившись в пыльном небытии. Выбора не было, пришлось карабкаться выше, пока он не достиг… Его мысли разбежались от резкой трели телефона у кровати, на которой он лежал. Пусть он уже знал, что

может двигать хотя бы одной конечностью — рукой, он не пошевелился. Он не доверял своему голосу. А если бы и доверял, что бы сказал? Я не тот, кто вы думаете? После четвертого звонка телефон стих.

Он откинулся на подушку и подождал, пока скачущий пульс придет в норму. Попробовал переместить ноги. Получилось, но только на дюйм. Снова подвигал рукой и поднял ее высоко над головой. Итак, что там с ним стряслось? Он взобрался на последнюю ступень и растянулся, тяжело дыша, на верхней площадке. Потом протиснулся под ближайшую дверь и оказался в жилой комнате. В обычных обстоятельствах он бы первым делом направился на кухню, но тут почему-то забрался по ножке кровати и из последних сил заполз под подушку. Должно быть, он спал глубоким сном… Раздался стук в дверь — что за черт, — и не успел он ничего сказать, как она раскрылась. На пороге возникла молодая женщина в бежевом брючном костюме и, коротко кивнув, вошла.

— Я пыталась позвонить, но потом решила, лучше подняться. Премьер-министр, уже почти семь-тридцать.

Он не знал, что на это ответить.

Женщина, очевидно какая-то помощница, вошла в комнату и взяла пустую бутылку. Держалась она весьма фамильярно.

— Вечерок, я вижу, тот еще.

Он понял, что должен что-то ответить. Лежа в постели, издал нечленораздельный звук, нечто среднее между стоном и хрипом. Неплохо. Выше, чем он рассчитывал, несколько пискляво, но вполне убедительно.

Помощница указывала на стол с двумя красными папками.

— Не думаю, что вам удалось…

Он решил для надежности повторить прежний звук, на этот раз чуть пониже.

— Возможно, после завтрака вы сможете… Я вам, пожалуй, напомню. Сегодня среда. В девять встреча с кабинетом министров. В полдень срочные вопросы и ВПМ.

Вопросы к премьер-министру [2]. Уж он их наслушался, завороженно сидя или крадучись за трухлявыми стенными панелями в компании нескольких тысяч сородичей. Эти громогласные вопросы лидера оппозиции, блестящая ответная околесица, дерзкие колкости и расчетливое бле-

---

[2] Примечания: 2

По давней традиции премьер-министр раз в неделю отвечает на вопросы лидера оппозиции и других членов палаты.

янье. Он не смел и надеяться, что когда-нибудь станет *primo uomo* [3] в этой еженедельной оперетте. Но справится ли он? Не хуже любого другого, надо думать. Только пробежит сперва эти бумаги. Он не раз мечтал, и не он один, залезть в красный чемоданчик [4]. Теперь ему представилась такая возможность, пусть даже у него всего две ноги.

В том месте, где когда-то он щелкал изящными мандибулами, пришел в движение омерзительный мясистый орган, и он исторг свое первое человечье слово.

— Точняк.

— Я внизу, сделаю вам кофе.

Он частенько потягивал кофе по ночам на полу кафетерия. Это мешало спать днем, но ему нравился вкус, особенно с молоком и сахаром. Он решил, что его подручным наверняка это известно.

Как только помощница вышла из комнаты, он откинул одеяло и сумел опустить свои ноги-колоды на ковер. Джим наконец встал во весь рост, такой внушительный, что у него слегка закружи-

---

[3] Примечания: 3

Итал. «первый мужчина», исторически принятое обозначение главной мужской роли в опере.

[4] Примечания: 4

Чемоданчик для секретных правительственных документов.

лась голова, и, застонав, прижал рыхлые бледные руки ко лбу. Через пару минут, когда он вошел на нетвердых ногах в ванную комнату, эти же руки стали проворно снимать пижаму. Раздевшись, он встал босиком на теплый кафель, приятно гревший стопы. Глядя с изумлением, как его тело выдает бурливую струю в особый керамический резервуар, он воспрянул духом. Но, повернувшись к зеркалу над раковиной, снова приуныл. Щетинистый овал лица, покачивавшийся на толстой розовой шее, внушал отвращение. Глаза с черными зрачками шокировали. Пухлая темная плоть, обрамлявшая частокол грязно-белых зубов, вызывала омерзение.

«Но я здесь для высокой миссии и всё перетерплю», — заверил он себя, глядя, как его руки поворачивают краны и тянутся за мылом и кисточкой для бритья.

Пять минут спустя, выйдя из ванной нетвердым шагом, он почувствовал дурноту при мысли, что ему придется облачаться во всю эту одежду, разложенную для него. Его родной народ по праву гордился своими прекрасными, блестящими телами и никогда бы не подумал чем-то закрывать их. Белые подштанники, черные носки, рубашка в бело-голубую полоску, темный костюм, черные

туфли. Он отстраненно смотрел, как его руки ловко завязывали шнурки, а затем — опять это зеркало в ванной — галстук. Причесывая рыжевато-каштановые волосы, он испытал внезапную тоску по дому — так этот цвет напоминал ему покинутых собратьев.

«Хотя бы что-то связывает меня с родиной», — подумал он меланхолично, выходя из комнаты.

Ему предстоял жуткий спуск по лестнице. Но он решил довериться своим ногам, как перед этим доверялся рукам, бившим и одевавшим его. Он спускался, крепко держась за перила, подавляя стон при каждом шаге. На пролетах с крутыми поворотами он вцеплялся в перила обеими руками. Со стороны могло показаться, что его мутит с похмелья. Однако он мог гордиться собой: еще вчера ему потребовался час, чтобы подняться по этой лестнице, но спустился он всего за семь минут. У подножия лестницы, в холле, его ожидала группа совсем молодых людей обоего пола, все — с папками.

— Доброе утро, премьер-министр, — пробормотали они нестройным хором, с почтением в голосе.

Никто из них не посмел взглянуть ему в глаза, и все они ожидали, что он им скажет. Прокаш-

лявшись, он выговорил:

— Что ж, приступим, пожалуй.

Больше ничего на ум ему не приходило, но тут, наудачу, к нему протолкался человек, постарше других и в таком же дорогом костюме, как у него, и, взяв за локоть, увлек за собой по коридору.

— На пару слов.

Открылась дверь, и они вошли в комнату.

— Ваш кофе здесь.

Они были в комнате правительства. Посередине длинного стола, перед самым большим креслом, стоял поднос с кофе, к которому премьер-министр устремился с такой прытью, что последние шаги почти бежал. Он надеялся успеть первым и завладеть сахарницей. Но к тому времени, как он опустился в кресло, весьма строгого вида, ему уже налили кофе. Сахара на подносе не было. И даже молока. Однако в серой тени кофейника он различил полумертвую синюю муху. Ее крылышки то и дело подрагивали. Джим заставил себя отвести взгляд от мухи, когда к нему обратился другой человек. Ему казалось, он вот-вот чихнет.

— Насчет Комитета 1922 года [5]. Знакомые все, мать их, лица.

— А, да.

— Прошлым вечером.

— Конечно.

Дрожавшие мушиные крылья издавали легчайший шелест покорности судьбе.

— Рад, что тебя там не было.

Синяя муха, умершая больше чем десять минут назад, чересчур горчит. Но полуживая или едва умершая имеет привкус сыра. Стилтона, по большей части.

— Да?

— Это мятеж. Во всех утренних газетах.

Ничего не поделаешь. Премьер-министр понял, что сейчас чихнет. Он почувствовал, как его распирает. Наверное, из-за недостатка пыли. Он ухватился за подлокотники. Его словно взорвало, и на миг ему показалось, что он отключился.

— Будь здоров. Шла речь про вотум недоверия.

Когда он поднял дурацкие веки, закрывшие ему глаза, мухи уже не было. Он ее сдул.

— Ебать.

---

[5] Примечания: 5

Комитет 1922 года, официально известный как Комитет консервативных частных членов, является парламентской группой Консервативной партии в палате общин Великобритании.

— Я тоже так подумал.

— Куда же… В смысле, куда они клонят?

— Все туда же. Ты тайный оборотúст. Отлыниваешь от проекта. Не можешь справиться в одиночку. Ничего не выжмешь из парламента. Никакого стержня. Такого рода вещи.

Джим пододвинул к себе чашку и кофейник. Мухи не было. Он поднял поднос из нержавейки. И там тоже.

— Я такой же разворотúст, как и остальные.

Молчание специального советника, если Джим угадал его должность, не обнадеживало. Затем он сказал:

— Нам нужен план. И побыстрее.

Джим различил валлийский акцент. Уэльс? Маленькая страна далеко на западе, известная своими холмами, дождями и коварством. Джим обнаружил, что знает какие-то вещи, разные вещи. Причем не так, как раньше. Его знание, как и зрение, сузилось. Ему недоставало всеохватного и непрерывного единства со своим народом, бескрайнего ресурса феромонного океана. Но он наконец сумел вспомнить миссию, возложенную на него.

— Какие предложения?

Раздался громкий стук по дереву, открылась

дверь, и вошел высокий человек в костюме в тонкую полоску, с массивной челюстью и маслянисто-черными зализанными волосами.

— Джим, Саймон. Не против, если я присоединюсь? Плохие новости. Только что пришла шифровка от…

Саймон не дал ему договорить.

— Бенедикт, это частный разговор. Будь добр, отвали.

Министр иностранных дел, не изменившись в лице, развернулся и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь подчеркнуто тихо.

— Чего я не выношу, — сказал Саймон, — в этих мажорах из частных школ, так это их самомнения. Не считая тебя, конечно.

— Согласен. Какой у нас план?

— Ты сам сказал. Сделай уступку радикалам, они потребуют большего. Дай им палец, руку оттяпают. Как только какие проблемы с проектом, у них все кругом виноваты. Особенно ты.

— И?

— Общественные настроения качаются. Фокус-группы рассказывают новую сказку. Наш социолог звонил с результатами вчера вечером. Налицо всеобщая усталость. Страх неизвестности. Тревога о том, за что они голосовали и что

получили в итоге.

— Да, я в курсе, — соврал премьер-министр.

Было важно сохранять лицо.

— Дело вот какое. Нужно изолировать радикалов. Вотум сраного доверия! Объявить перерыв в парламенте на несколько месяцев. Вразумить ублюдков. А лучше даже изменить курс. Сделать крен…

— Серьезно?

— Точно говорю. Крен тебе не помешает…

— К оборотистам?

— Да! Парламент будет у тебя в ногах валяться. Ты получишь большинство — наверняка.

— А как же воля нар…

— Да хуй с ними. Чмошники наивные. У нас парламентская демократия, и ты главный. В хозяйстве застой. Страну раздирают противоречия. Какой-то ультраразворотист обезглавил парламентария-оборотиста в супермаркете. Гопник из оборотистов вылил коктейль на известного разворотиста.

— Просто кошмар, — согласился премьер-министр. — Блейзер только из химчистки.

— Это полный бардак. Пора с этим кончать, Джим, — сказал он и добавил мягко: — Это в твоей власти.

Премьер уставился на лицо советника, впервые по-настоящему рассмотрев его. Лицо у него было узким и длинным, со впалыми висками, карими глазками и туго сжатыми губами. Образ дополняли седая трехдневная щетина, кеды и черный шелковый костюм поверх футболки с Суперменом.

— Ты говоришь интересные вещи, — сказал наконец премьер.

— Это моя работа — держать твое кресло, и другого пути у нас нет.

— Это будет… будет… — Джим не мог подобрать слово, хотя феромонные аналоги так и вертелись у него в уме. — Полный разворот!

— Не совсем. Я просмотрел кое-какие из твоих речей. Там достаточно, чтобы закопать тебя. Сложности. Сомнения. Задержки. То, за что радикалы тебя ненавидят. Ширли может подготовить почву.

— Действительно интересно, — Джим встал и выпрямился. — Мне нужно отдельно поговорить с Ширли перед встречей с кабинетом. И мне понадобится несколько минут побыть одному.

Он стал обходить длинный стол, направляясь к двери. Он начинал получать удовольствие от своей размашистой походки и нового чувства

власти. Как ни странно, можно чувствовать себя устойчиво даже на двух ногах. Его почти не беспокоило, что он так вознесся над землей. И он был даже рад, что не съел синюю муху в присутствии другого человека. Его могли неправильно понять.

— Тогда подожду, что ты надумаешь, — сказал Саймон.

Джим протянул руку к двери и легко сомкнул пальцы своей новой, необычной, руки на дверной ручке. Да, он справится с этим новым агрегатом. Он повернулся, медленно, получая удовольствие от этого, и посмотрел в лицо советнику, который все так же сидел в кресле.

— Я уже надумал. Твое заявление на увольнение должно быть на моем столе через полчаса, и чтобы к одиннадцати тебя не было в здании.

Пресс-секретарь, миниатюрная, обходительная женщина по имени Ширли, вся в черном и в большущих очках в черной оправе, нервировала Джима своим сходством с самкой жука-рогача, врага их рода. Но они быстро нашли общий язык, когда она выложила перед ним веером газеты с недружественными заголовками.

— Джим в дым!

— Во имя Бога, вон отсюда! [6]

То, что Джим избавился от Саймона и назвал радикальных разворотистов, сидевших в задних рядах, «знакомые, мать их, лица», помогло придать новостям безобидный и комичный оттенок. Джим с Ширли хихикали, читая их. Но более серьезные газеты признавали, что вотум недоверия вполне возможен. Премьер-министр со своей командой сторонился как оборотистов, так и разворотистов. Все считали его соглашателем. Пытаясь задобрить оба фланга, он всех настроил против себя.

«В политике, — как написал один известный обозреватель, — двурушничество — это смертный приговор».

Общее мнение сводилось к тому, что даже если он удержится у власти, сам разговор о вотуме подорвет его авторитет.

— Это мы посмотрим, — сказал Джим, и Ширли громко рассмеялась, словно он сказал что-то крайне остроумное.

Он направился к выходу, намереваясь побыть в одиночестве и подготовиться к следующему заседанию. Дав Ширли указания обнародовать

---

[6] Примечания: 6

Заключительные слова знаменитой речи Оливера Кромвеля, разогнавшего парламент в 1653 году.

заявление Саймона об увольнении, он вышел на улицу, готовый отрицать перед репортерами любые подозрения в своей некомпетентности. Ширли не выразила удивления по поводу отставки своего коллеги. Напротив, кивнула с довольным видом и продолжила собирать утренние газеты.

Опаздывать на заседание кабинета было дурным тоном для всех, кроме премьера. Когда он вошел в комнату, все уже сидели за столом. Он занял свое место, между канцлером и министром иностранных дел. Нервничал ли он? Не особо. Он был подтянут и готов к бою, словно уличный спринтер. Его главной заботой было выглядеть убедительно. Он знал с той же уверенностью, с какой его пальцы завязывали галстук, что перед тем, как начать говорить, следовало выдержать паузу и каждому уверенно взглянуть в глаза.

В тот миг, когда он встретился взглядом с пустыми глазами Тревора Готта (канцлер герцогства Ланкастерского, затем министр внутренних дел, министр юстиции, лидер палаты, министр торговли, министр по транспорту и министр без портфеля), он пережил пронзительное узнавание, и его охватила, пройдя сквозь сердце и разлившись по позвоночнику, неимоверная,

восхитительная, запредельная радость. Снаружи он сохранял спокойствие. Но он ясно понял это. Почти все в его кабинете разделяли его убеждения. И что еще более важно — он понял это только сейчас — они были его сородичами. В тот жуткий вечер, когда он устремился в Уайтхолл, он думал, что выполняет одиночную миссию. Ему не приходило на ум, что он был не единственным, кто нес великое бремя этого задания, что и другие его сородичи направлялись в различные министерства, чтобы завладеть другими телами и показать, на что они способны. Пара дюжин отборных представителей его народа пришли захватить и направить безвольное руководство в нужное русло.

Тем не менее имелась небольшая проблема, чужеродное присутствие. Изменник в его стане. Он тут же распознал его. В раю всегда есть дьявол. Всего один. Вероятно, кто-то из храбрых посланников его народа не сумел добраться до своего объекта, пав во имя их общего дела под ногами людей, что было не удивительно с этими демонстрациями. Когда Джим взглянул в глаза Бенедикта Сент-Джона, министра иностранных дел, он наткнулся на гладкую неприступную стену его сетчатки и не смог проникнуть дальше.

Этот взгляд был непроницаем. Никакого узнавания. Это был всего лишь человек. Лазутчик. Доносчик. Враг народа. Один из тех, кто мог взбунтоваться и проголосовать против собственного правительства. С ним нужно было разобраться. Впрочем, спешить не стоило. Возможность еще представится.

Но остальные были с ним заодно, и он моментально их узнавал под внешним человеческим обликом. Все они были братья и сестры. Радикальный кабинет, претерпевший превращение. Сидя за столом, они никак не выдавали своей истинной природы и того, что было им известно. До чего же они походили на людей! Глядя в их млекопитающие глаза различных оттенков серого, зеленого, голубого и карего, и сквозь них, в мерцающее нутро их тараканьего естества, он принял и возлюбил своих коллег и их ценности. Они были с ним едины. Скованные железной решимостью и волей к успеху. Вдохновленные идеей, чистой и волнующей, как кровь и земля. Движимые к непостижимой обычной логикой цели ощутить мистическое единство нации, достичь взаимопонимания столь же простого и благого, как религиозная вера.

Что также сплачивало эту храбрую группу, это

уверенность в неминуемых лишениях и страданиях, пусть они, как ни жаль, и не коснутся их лично. Но также было несомненно, что их победа принесет широким массам блаженное чувство глубокого и возвышающего самоуважения. В этой комнате, в этот миг, не было места слабым. Страна была готова освободиться от постыдного рабства. Лучшие из них уже сбрасывали свои оковы. Скоро с шеи нации будут сброшены паршивые оборотисты. Хотя всегда есть те, кто впадает в нерешительность у открытой двери клетки. Пусть они дрожат под гнетом избирательного права, оставаясь рабами растленного и бесславного режима, находя единственное утешение в своих графиках и диаграммах, своей бесплодной рациональности и жалкой трусости. Если бы только они знали, какой эпохальный шаг совершался без их участия, минуя анализы и дебаты на своем пути в историю. История уже вершилась за этим самым столом. Судьба нации выковывалась в тихом огне кабинета министров. Возобладал уверенный разворотизм. Поздно идти на попятный!

Два

Истоки разворотизма теряются в тумане прошлого, и отыскать их — если у кого возникнет подобное желание — не так-то просто. До недавнего времени эта концепция считалась не более чем мысленным экспериментом, послеобеденной забавой, шуткой. Она была прибежищем эксцентриков, одиноких мужчин, писавших зеленой ручкой письма в газеты. Из тех, кто могут сесть вам на уши в пабе и просвещать битый час. Но сама эта идея, стоило в нее вникнуть, была не лишена определенной красоты и простоты. Давайте развернем денежный поток, и тогда вся система экономики, а с ней и сама нация, очистится, избавится от несуразиц, растрат и несправедливостей. Под конец рабочей недели сотрудница передает заработанные тяжелым трудом деньги компании за все рабочие часы. Но когда она идет по магазинам, то получает щедрую компенсацию в виде розничных цен на каждый купленный товар. Закон запрещает ей копить наличность. Деньги, положенные в банк, под конец трудного дня в торговом центре мобилизуют

высокие отрицательные процентные ставки. До того как ее сбережения будут сведены к нулю, ей следует найти более высокооплачиваемую работу. Чем лучше работа, а значит, выше зарплата, тем усерднее она должна покупать товары, чтобы оплачивать ее. Тем самым стимулируется экономика, возрастает число квалифицированных работников, все в выгоде. Домовладелец должен неустанно заказывать промышленные товары, чтобы оплачивать своих жильцов. Правительство приобретает ядерные электростанции и расширяет свои космические программы, чтобы радовать рабочих налоговыми подарками. Управляющие отелями обеспечивают лучшее шампанское, мягчайшие простыни, редкие орхидеи и лучших музыкантов в лучших оркестрах, чтобы отель мог позволить себе постояльцев. На следующий день после успешного выступления музыкант должен активно покупать товары, чтобы оплатить свой следующий выход на сцену. Полная занятость гарантирована.

Два заметных экономиста семнадцатого века, Джозеф Мун и Джосия Чайлд, упоминали вскользь обратную циркуляцию денег, но не уделили этой теме должного внимания. По крайней мере, мы знаем, что такая теория занимала

умы экономистов. Хотя ни в знаменитом «Богатстве народов» Адама Смита, ни у Мальтуса, ни у Маркса об этом нет ни слова. В конце девятнадцатого века американский экономист Фрэнсис Амаса Уокер выражал некоторый интерес к перенаправлению денежного потока, но делал это, по-видимому, в устных заявлениях, а не в своих внушительных трудах. На эпохальной Бреттон-Вудской конференции в 1944 году, установившей послевоенный экономический порядок, ознаменованный учреждением Международного валютного фонда, в одном из подкомитетов был зафиксирован страстный призыв к разворотизму со стороны парагвайского представителя Хесуса З. Веласкеса. Поддержки он не получил, но важно, что он стал первым, кто произнес этот термин во всеуслышание.

Идея разворотизма периодически привлекала внимание различных групп в Западной Европе правого и праворадикального толка, поскольку она очевидно ограничивала власть и полномочия государства. К примеру, когда в Британии верхний налоговый индекс составлял восемьдесят три процента, правительству пришлось бы выдавать миллиарды самым усердным покупателям. Ходили слухи, что Кит Джозеф пытался

заинтересовать Маргарет Тэтчер «возвратной экономикой», но ей было не до того. В интервью Би-би-си в апреле 1980 года сэр Кит настаивал, что это просто сплетни. В течение девяностых и нулевых разворотизм вызывал умеренный интерес в различных частных дискуссионных группах и малоизвестных правоцентристских научно-исследовательских центрах.

Когда разворотческая партия эффектно возникла на политической арене со своим популистским, антиэлитистским призывом, имелось немало таких, даже среди ее противников, кому уже был знаком «разворотный» тезис. После того как разворотисты получили поддержку американского президента, Арчи Таппера, а в особенности когда они принялись отваживать своих сторонников, консервативная партия начала в ответ медленное смещение вправо и дальше. Но для большинства консерваторов разворотизм оставался, как выразился экс-канцлер Джордж Осборн, «пределом полоумия». Никто не знает, какому экономисту или журналисту мы обязаны термином оборотисты для обозначения тех, кто считал, что деньги должны циркулировать старым, проверенным способом. Но в кандидатах нет недостатка.

Среди левых, в особенности «старолевых», всегда имелось немало таких, кто симпатизировал разворотизму. Хотя бы потому, что, по их мнению, это должно было наделить властью безработных. Не имея работы, за которую нужно платить, и массу свободного времени для походов по магазинам, безработные могли серьезно разбогатеть, если не в отношении наличных денег, то в отношении товаров. Тогда как состоятельные классы не смогут ничего поделать со своим богатством, кроме как тратить его на оплату труда. Когда избиратели лейбористской партии из рабочего класса сообразили, сколько они смогут заработать, устроив сыновей в Итон, а дочерей в женский колледж Челтнем, они также стали холодно приветствовать разворотизм.

Консерваторы, чтобы упрочить поддержку своего электората и задобрить разворотческий фланг своей партии, решили провести в ходе предвыборной кампании 2015 года референдум по развороту денежного потока. Результат оказался неожиданным, главным образом вследствие стихийного альянса между рабочими бедняками и стариками всех классов. Первые не дорожили своим положением, им было нечего терять, и они смотрели с надеждой на возможность полу-

чить товары первой необходимости, не говоря о предметах роскоши, а также поправить свои финансы, хотя бы ненадолго. А старикам, страдавшим когнитивными расстройствами, грела душу сама идея повернуть время вспять. Кроме того, обе группы распалялись националистским зудом. Сделав блестящий финт, разворотческая пресса сумела придать своему делу статус патриотического долга вкупе с обещанием возрождения и очищения нации: все плохое в экономике, включая неравенство богатства и возможностей, разделение севера и юга и застой в системе оплаты труда, объяснялось направлением финансовых потоков. Если вы любите родину и свой народ, вы должны повернуть вспять существующий порядок. Прежний режим служил лишь интересам снобистской правящей верхушки. Одним из наиболее неотразимых лозунгов стал: «Разворачивай деньги».

Премьер-министр, созвавший референдум, тут же ушел в отставку и словно испарился. Его место занял компромиссный кандидат, умеренный оборотист Джеймс Самс. Едва вернувшись из Букингемского дворца, он дал обещание на ступенях Даунинг-стрит, 10 уважить чаяния народа. Деньги потекут назад. Но, как и предсказывали

многие экономисты и прочие комментаторы из желтой прессы и малоавторитетных специализированных журналов, это оказалось не так-то просто. Первый и самый трудный вопрос касался экспортной торговли. Немцы, несомненно, были бы счастливы получить британские товары вместе с внушительными платежами. Но они, разумеется, не станут в ответ присылать нам свои машины, набитые наличностью. Возникнет дефицит торгового баланса, и британская экономика рухнет.

Каким же образом разворотческая экономика могла процветать в мире, устроенном по принципам оборотистов? Переговоры с главными торговыми партнерами из числа европейских стран зашли в тупик. Прошло три года. Парламент, по большей части состоявший из оборотистов, разрывался между здравым смыслом и волей народа, не в силах предложить практического решения. Самс унаследовал шаткое большинство и стоял, покачиваясь, между ретивыми фракциями своей партии. Несмотря на это, отдельные газеты называли его Счастливчиком Джимом, ведь могло бы быть гораздо хуже: Хорас Крабб, лидер оппозиции, сам был старым разворотистом из числа постленинистских леваков.

Пока Самс пребывал в смятении и его кабинет раздирали противоречия, фракция пуристов из задних рядов консерваторов упрочивала свою позицию. Британия должна действовать самостоятельно и обратить остальной мир силой своего примера. Если мир откажется последовать за ней, тем хуже для него. Так возник акроним РАЗВЕС: разворот в единственной стране. И вскоре это стало темой песен и граффити — «Прогресс на РАЗВЕС». Разворотисты заявляли, что Британия выстояла в одиночку в 1940 году, когда пала Франция и нацистский ужас расползался по Европе. Так что Британия как-нибудь обойдется без немецких автомобилей. Но Самс продолжал колебаться, раздавая обещания направо и налево. Большинство экономистов, журналистов из Сити, деловая элита и весь финансовый сектор предрекали экономическую катастрофу, если Самс твердо встанет на путь разворотизма. Банки, расчетные конторы, страховые агенты и международные корпорации уже перебирались за рубеж. Именитые ученые и нобелевские лауреаты писали открытые письма, выражая авторитетное отчаяние. Улицы кричали со страстью: «Так держать!» В обществе нарастало возмущение, все больше людей чувствовали себя

преданными. Газетная карикатура изображала Джима Самса в виде шекспировского Глостера, ослепленного и шатающегося на краю меловой скалы, а Эдгар, этакий крутой разворотист Джон-Бык [7], подначивал его прыгнуть [8].

Но затем вдруг, ко всеобщему изумлению, Самс со своим колеблющимся кабинетом, похоже, набрался решимости. Они были готовы совершить скачок.

Взглянув в глаза всем за столом и обуздав непроизвольный порыв разразиться феромонной песнью радости, премьер-министр произнес степенные слова приветствия. Голос у него был низким и ровным. Над его правой скулой задергалась мышца. Раньше такого никто не видел. В ходе своих вступительных замечаний он мимоходом сослался на их неразрывную связь и сказал, что отныне их «новый» кабинет будет голосовать в парламенте единогласно. Больше никакого разброда. Слепое единодушие. За столом послышался продолжительный шорох и согласное мычание. Все были как один — коло-

[7] Примечания: 7

Типичный англичанин, герой сатирических комиксов.

[8] Примечания: 8

Намек на сцену из трагедии У. Шекспира «Король Лир»: граф Глостер и его сын Эдгар являются жертвами заговора.

ния убежденных единомышленников.

Итак, за дело. На выходе они получат экземпляры недавнего исследования настроений избирателей и должны будут внимательно изучить его. Им следует иметь в виду один конкретный вывод: две трети в возрастной группе от двадцати пяти до тридцати четырех жаждут сильного лидера, которому «не придется возиться с парламентом».

— А пока мы возимся, — сказал Джим. — Но… — он не договорил, и в кабинете повисла тишина. — Отклоненный законопроект разворотистов вернется в палату через три месяца. Все поправки оппозиции будут забаллотированы. Меры по адаптации к новому порядку будут приняты уже сейчас. Канцлер подтвердит, что мы потратим восемь миллиардов на переходные мероприятия.

Канцлер, сутулый человечек с седыми бровями и белой козлиной бородкой, подавил удивление и кивнул с пониманием. Премьер-министр кивнул ему в ответ и чуть скривил губы в улыбке. Высочайшее признание.

— Теперь вам пора узнать. Я назначил Разворотный День, День Р, на двадцать пятое декабря, когда магазины закрыты. После этого рождественская распродажа обеспечит колоссальный толчок для ВВП.

Он обвел всех взглядом. Все внимательно смотрели на него. Никто не выводил каракули в блокноте. Джим завел руки за голову и сцепил пальцы, поразившись приятностью этого ощущения.

— Мы будем действовать по плану: проводить денежные вливания — увеличивать денежную массу, чтобы универсальные магазины могли позволить себе покупателей, а покупатели могли позволить себе работы.

Министр иностранных дел сказал:

— Намечаются некоторые изменения…

Премьер призвал его к молчанию, чуть качнув головой. И расцепил руки, так что они свесились вдоль тела.

— Обеспечить День Р, другими словами Наш День, — наша первоочередная задача. Но и задача номер два почти столь же важна. Без нее первая может провалиться.

Он выдержал паузу для эффекта. За это недолгое время он успел подумать, что ему делать с Бенедиктом Сент-Джоном. В семье не без урода. Но устроить идеальное убийство не так-то просто, когда твой офис на Даунинг-стрит. Нечто подобное попробовал когда-то провернуть этот болван в цилиндре из палаты общин, Джереми

Торп. Ничего хорошего не вышло.

— Впереди нас ожидают некоторые трудности, и мы должны вести за собой народ. Фокус-группы прохлаждаются как раз тогда, когда нам так нужна популярность. Жизненно важна. Так что будем поднимать налоги для малоимущих и снижать для богатых. После двадцать пятого большая халява для рабочих. Чтобы оплатить это, — я уверен, наш мудрый канцлер поддержит меня, — мы повысим правительственные доходы, наняв еще двадцать тысяч полисменов, пятьдесят тысяч медсестер, пятнадцать тысяч врачей и двести тысяч дворников, чтобы обеспечить ежедневную выручку. Учитывая их налоговые льготы, эти новые кадры наверняка с легкостью смогут оплачивать свои работы. А еще китайцы нам должны восемьсот миллиардов за три атомные электростанции, которые они будут строить.

Внимательное молчание в комнате поменялось, и, похоже, не в лучшую сторону. Никто не доверял китайскому правительству. Вернут ли они долг? И станут ли разворачивать свою необъятную экономику? Кто-то вежливо кашлянул. Несколько человек изучали свои ногти. Джим почувствовал, что ему грозило скептическое отношение, если он еще не вполне лишился

поддержки кабинета. Его спасла министр транспорта, обходительная дама, курившая трубку, представительница северо-восточного избирательного округа, фанатично амбициозная, как о ней говорили.

— Мы сэкономим уйму денег, если обеспечим, как и планировали, скоростное железнодорожное сообщение с Бирмингемом.

— Блестяще. Спасибо, Джейн.

Осмелев, подал голос министр обороны, Хамфри Баттон, крепкий мужчина с квадратной челюстью:

— И если введем в эксплуатацию еще четыре авианосца.

— Отлично, Хамф.

— Десять тысяч новых арестантов принесут два с половиной миллиарда.

— Неплохо, Фрэнк.

Внезапно все стали наперебой что-то предлагать, желая выслужиться, называть ведомственные проекты, ставшие возможными благодаря новому порядку.

Премьер сидел, откинувшись на спинку, лучась от радости, чувствуя, как голоса омывают его, и бормотал время от времени:

— То что надо… это по-нашему… блеск!

Довольно скоро этот энтузиазм исчерпал себя, и в комнате повисла гнетущая тишина, в которой прозвучал вопрос министра иностранных дел.

— А как же мы?

Все головы вежливо повернулись к Бенедикту Сент-Джону. В тот момент Джим понял, что другие еще не знают, что это чужак.

— Что?

Министр иностранных дел развел руками, намекая на очевидность своего вопроса.

— Взять хотя бы меня. Или любого из вас. В следующем году я должен побывать во всех мировых столицах в рамках «Глобальной Британии», убеждая другие правительства присоединиться к нам. А моя зарплата составляет 141 405 фунтов стерлингов в год.

— И что?

— Этого слишком много для жизни, даже при всех моих расширенных семейных обязанностях. Откуда я найду столько времени на покупки, чтобы обеспечить свою работу?

Снова послышался тихий шорох из-под стола. Джим оглядел комнату. Может, Бенедикт пытался острить? Может, он обращался ко всем?

Премьер-министр уставился на него в крайнем негодовании.

— Едрена вошь, откуда мне… да просто, э-э…

И снова его выручила министр транспорта, Джейн Фиш.

— «Амазон» в помощь, Бенни. Один клик. Купи себе «теслу»!

После такого элегантного решения все выдохнули с облегчением. Премьер был готов двигаться дальше, но Сент-Джон не унимался.

— Я волнуюсь. В твой День Р фунт наверняка упадет.

Твой? Это было уже слишком, но премьер включил обаяние.

— Это поможет нашему импорту.

— Об этом я и говорю. Об экспорте. Нам придется перевести еще больше денег за рубеж.

Джим произнес, словно говорил с ребенком:

— Достигнув денежного баланса, мы заработаем на импорте.

— Через три года все, что у нас останется, это Сент-Китс и Невис [9]. Джим, это может погубить нас.

Все министры внимательно следили за этим противостоянием. Премьер-министр неожидан-

---

[9] Примечания: 9

Федерация Сент-Китс и Невис — государство в восточной части Карибского моря, состоящее из двух островов: Сент-Китса и Невиса, относящихся к Малым Антильским островам.

но рассмеялся, и это был искренний смех, потому что он не только представил необъяснимую смерть министра иностранных дел, но и его похороны, со средним размахом, на которых Джим произнесет заключительное слово. Собор Святого Павла. «Нимрод» Элгара. Конная гвардия. Это напомнило ему, что он еще не завтракал.

— Что ж, Бенедикт, как сказал Карл Маркс, нужно сильно постараться, чтобы погубить государство.

— Это сказал Адам Смит.

— Тогда тем более.

Министры расслабились. Они сочли это решающим, безапелляционным аргументом. Джим перевел дыхание, собираясь перейти к следующему вопросу.

Но министр иностранных дел опередил его:

— Теперь о важном.

— Бога ради, приятель, — проворчал министр внутренних дел, Фрэнк Корд.

Бенедикт сидел напротив министра обороны. Они обменялись взглядами, и Баттон пожал плечами и опустил взгляд на свои руки. Сам им скажи.

— Обстановка еще уточняется. Официального заявления пока не было. Но мне сказали, что

«Дейли мейл» собирается написать об этом на своем сайте. Так что вы все должны знать. Обычно я не…

— Давай, выкладывай, — сказал Джим.

— Сегодня утром, чуть позже семи, французский патрульный корабль налетел на «Ларкин», наше рыболовецкое судно, у побережья Бретани, вблизи Роскофа. Разрезал его надвое. Шесть человек команды. Всех выловили из пролива.

— Рад это слышать. Ну а теперь…

— Все мертвы.

Премьер-министр и его коллеги привыкли относиться к смерти как к статистике, с непременными поминками в виде гигиенической профилактики и с подобающими приличиями — Джим отогнал эти мысли. Он знал достаточно, чтобы произнести после недолгой паузы:

— Трагично. Но в море всякое бывает. Зачем нам это обсуждать?

— Судно занималось незаконным промыслом. В прибрежных водах Франции.

— Ну и?

Секретарь иностранных дел опустил подбородок на руки.

— Мы держали это в секрете, пока оповещали родственников. Но новость просочилась в «Твит-

тер». Теперь общее мнение таково, что французы намеренно протаранили нашу лодку. Утверждая свои территориальные права.

Канцлер герцогства Ланкастерского сказал:

— А что говорят французы?

— Густой туман, мелкая деревянная лодка, в двух километрах от берега, транспондер почему-то был выключен. Корабельный радар ничего не показывал. Данные наших ВМС и другие источники подтверждают все, что они говорят.

— Что ж, тогда все вполне ясно, — сказал министр юстиции.

Министр иностранных дел взглянул на свои часы.

— С минуты на минуту «Мейл» выбросит горячую новость на свой сайт. С патриотическим запалом. Скоро это разлетится по всему интернету. Скверная получается картина. Пятнадцать минут назад, пока мы тут сидели, кто-то бросил кирпич в окно французского посольства.

Выдержав паузу, он посмотрел на премьер-министра.

— Требуется заявление с самого верха. Чтобы прекратить это безобразие.

Все посмотрели на Джима, который откинулся на спинку кресла и произнес в потолок:

— Хм-м-м.

Бенедикт добавил мягким тоном:

— Плюс звонок французскому президенту, под запись?

— Хм-м-м.

Все смотрели и ждали. Наконец Джим вернулся в нормальное положение и кивнул секретарю кабинета, сидевшему, как обычно, в стороне от остальных.

— Если их будут хоронить вместе, я хочу быть на похоронах.

Министр иностранных дел начал говорить:

— Это может показаться слегка…

— Погоди. Лучше даже так. Если гробы прибудут вместе, а вы уж, бляха-муха, проследите за этим, я намерен быть там, на пристани, аэродроме, где угодно.

Пока остальные сидели не шевелясь, не столько от возмущения, сколько от изумления, министр иностранных дел дрожал мелкой дрожью. Казалось, он был готов встать, но взял себя в руки.

— Джим. Так нельзя.

Премьер-министр неожиданно повеселел и произнес в оживленной, игривой и насмешливой манере:

— Теперь, Бенедикт, по окончании этого засе-

дания, ты завернешь за угол, в свой прекрасный офис, и сделаешь две вещи. Ты вызовешь французского посла и потребуешь объяснения. И скажешь своей пресс-службе об этом.

Министр иностранных дел сделал глубокий вдох.

— Нельзя играть в такие игры с Францией. Это наш очень близкий союзник.

— Погибли шестеро наших молодцов. Пока не доказано другого, я заявляю, что это подлое убийство.

Наконец министр обороны осмелился подать голос, хотя прозвучал он довольно жалко.

— Вообще-то данные адмиралтейства довольно однозначны.

— Адмиралы! Оппортунисты по большей части. Не сомневаюсь, у всех дома в Дордони.

Это вышло хорошо. Такой нефешенебельный английский уголок во Франции. За столом послышались смешки. Туго сжатые челюсти Сент-Джона намекали, что ему добавить нечего. Но премьер-министр продолжал буравить его взглядом еще с полминуты. Это произвело устрашающий эффект на остальных, в частности на Хамфри Баттона, имевшего популярность в стране за то, что был когда-то капитаном второго

парашютного полка. Он с интересом рассматривал стакан воды перед собой, крепко сжав его обеими руками.

— С нами будут американцы, — сказал Джим. — У них особые чувства к Франции. Замечания? Хорошо. А теперь за дело, — он вынул из кармана клочок страницы, вырванной из журнала «Спектэйтор», на котором было что-то нацарапано карандашом. — Чтобы отметить День Р, мы выпустим памятную десятифунтовую монету. Я предлагаю эмблему в виде зеркального циферблата.

— Блестяще… чудесная идея, — таково было общее мнение.

Канцлер с трудом сглотнул и кивнул.

— Полагаю, со словами: «Сделай разворот», — сказал кто-то.

Премьер-министр обвел всех суровым взглядом, ища насмешника. Никто не улыбался.

— Еще какие мысли?

Мыслей больше не было.

— Дальше. Мы сделаем День Р национальным праздником. Рождественские дни, очевидно, не годятся, так что переношу на ближайшую дату в новом году, второе января. Возражения?

— Нет, — пробормотали они.

— Хорошо. Получается, это будет мой день рождения.

На это весь кабинет, кроме министра иностранных дел, принялся стучать ладонями по столу.

Премьер-министр с достоинством воздел длань, и в комнате стало тихо. В своей предыдущей, такой недолгой, жизни он никогда не испытывал подобной уверенности в своих силах. Ему казалось, что прошло уже пять лет, а не три-четыре часа после того, как он проснулся, в тоске и смятении, не в силах управлять ни единой своей конечностью или хотя бы языком. Вот что он читал на лицах своих коллег: он главный, он — это сила, за этим столом и для всей страны, и не только. С трудом верилось в это. До чего же волнующе. Интригующе. Ничто не может встать у него на пути.

Он взглянул на свой список.

— И еще. Мне пришла такая мысль. Движению разворотистов нужна песня, позитивная песня. Некий гимн. Что-то более знаковое, чем ода «К радости» [10]. И меня осенило. Это старый хит из шестидесятых. «Шагаю назад к счастью». Вы

---

[10] Примечания: 10

Ода «К радости» была написана Фридрихом Шиллером в 1785 году, но наибольшую известность получила благодаря Людвигу ван Бетховену, включившему ее в свою «Девятую симфонию» в 1823 году.

должны его знать. Не знаете? Господи боже, Хелен Шапиро! [11]

Никто не знал ни песни, ни певицы. Но они не посмели сознаться в этом. Что бы ни сплачивало их втайне, они теперь слились нерасторжимо, вжившись в свои роли. И жестоко поплатились за свое невежество — премьер-министр широко раскинул руки и принялся напевать нетвердым баритоном, вымучивая улыбку, словно бывалый шансонье.

— Шагаю назад к счастью, о-па, оу, йе-йе.

Никто не посмел взглянуть другому в глаза. Они чуяли, что неуместная улыбка могла подорвать их карьеру. Когда же премьер поманил их быстрым движением пальцев, они с готовностью подхватили мелодию и пропели в торжественном единогласии, словно церковный гимн Хьюберта Пэрри [12]: «Йа, йа, йа, йа, ба-дум-би-ду».

Джим заметил, пока надрывал глотку, что министр иностранных дел молчит. Даже не открывает рот. Он неподвижно сидел, напряженно

---

[11] Примечания: 11

Англ. Walking Back to Happiness, некогда популярная в Англии песня, записанная в 1961 году в исполнении четырнадцатилетней Хелен Шапиро.

[12] Примечания: 12

Сэр Чарльз Хьюберт Хейстингс Пэрри (1848–1918) — английский композитор и общественный деятель.

глядя перед собой, возможно в смущении. Или в презрении?

Когда певуны кое-как дотянули мелодию, Сент-Джон встал и сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Что ж, меня ждут дела, как вам известно.

Не взглянув на премьера, он быстро вышел из кабинета. Глядя ему вслед, Джим поразился, как можно одновременно испытывать такую радость и такую ненависть. Человеческое сердце, обладателем коего он отныне являлся, чудесная вещь.

Завершив заседание, Джим оставался несколько минут один, составляя свое первоочередное постановление. Отдельные высказывания он переслал Ширли для пресс-релиза. Она действовала быстро и умело. Когда пришло сообщение, что его машина готова и парадный вход открыт, СМИ уже почуяли дерзкий ветер перемен, пронесшийся по правительству. Как приятно ему было выйти на улицу в свете дня, в полный рост возвышаясь над порогом, который он переползал еще вчера. А как приятно было слышать гвалт вопросов, которые возбужденная толпа выкрикивала ему через улицу. Выйдя на крыльцо, он остановился у самой двери, чтобы дать фотографам полминуты, но говорить ничего не стал. Вместо этого он

поднял руку в дружеском приветствии и улыбнулся не слишком широко, но уверенно. Теперь он полностью управлял ситуацией, пристально глядя на мир своими бинокулярными полноцветными глазами, медленно обводя взглядом лица журналистов, прилипших к своим камерам. Когда же подъехал его «Ягуар икс-джей сентинел» (бронированная машина, весьма в его вкусе) и открылась дверца, он поднял в триумфе обе руки, широко ухмыляясь, затем нагнулся и скользнул на заднее сиденье.

В течение недолгой поездки от Уайтхолла к Вестминстерскому дворцу он смаковал грядущий момент, когда он подойдет к красному чемоданчику и все узнают намерения его правительства. Что его особенно воодушевляло, так это мысль о его тайных, тихих сородичах, притаившихся за стенными панелями. В эти самые минуты они должны быть там, в темноте. Как же они будут им гордиться.

Из «Официального парламентского отчета», 19 сентября, том 663.

Первоочередное обращение к правительству

Премьер-министр (Джеймс Самс)

С вашего разрешения, г-н спикер, я сделаю

заявление о целях и задачах того, что, по сути, является новым консервативным правительством. Когда законопроект вернется в эту палату, г-н спикер, наша задача будет состоять в том, чтобы поставить разворотизм на службу объединения нации и вдохнуть новую жизнь в нашу великую державу, чтобы не только вернуть ей былое величие, но и сделать ее величайшим государством на земле. К 2050-му это более чем возможно, и менее чем невозможно, чтобы Соединенное Королевство имело величайшую и самую процветающую экономику в Европе. Мы окажемся в центре новой сети противоточных торговых сделок. Мы будем лучшими на планете во всех областях. Мы станем надежной гаванью для электрической авиации. Мы поведем за собой мир по пути неразрушения нашей чудесной планеты. Этот же мир последует нашему сияющему примеру, и каждый народ развернет свой денежный поток, не желая отставать от остальных — *[Восклицание с места.]*

Господин спикер

К порядку! Слишком уж много шума в этой палате. Слишком много членов думают, что им можно выкрикивать свои мнения премьер-министру. Давайте уясним себе: это неправильно.

Премьер-министр

Г-н спикер, я аплодирую вашему вмешательству. Настоящее правительство покончило с разногласиями. Я и все министры, мы составляем единый организм и говорим единогласно. Наше единство нерушимо. Поэтому законопроект будет принят. Ничто не встанет у нас на пути. Аппарат должен с турбоскоростью принять все меры к переходу. Мы стремительно ускоримся и расширим наши торговые сделки за пределы храбрых Сент-Китса и Невиса. А до тех пор мы провозглашаем разворот в единственной стране. Мы выстоим в одиночку, как уже выстаивали в прошлом. Негативные мнения о разворотизме чересчур преувеличены. Сейчас не время для упаднического оборотческого мышления. Пусть никто не сомневается, что денежный поток готов изменить свое направление — время пришло. В первый день, День Р, мы ощутим положительный эффект как на макро-, так и на микроуровне. К примеру, в День Р наша расширенная полиция сможет притормозить беззаботно разогнавшегося водителя и передать ему в окошко банкноту в пятьдесят фунтов. Перед лицом возможного уголовного обвинения водитель примет решение использовать эти деньги на работу и оплату

сверхурочных или найти работу получше. Это только один пример, г-н спикер, того, как разворотизм простимулирует экономику, встряхнет наших прекрасных граждан и упрочит демократию.

Разворотизм — залог нашего безоблачного будущего: чистого, зеленого, изобильного, дружного, надежного и амбициозного. Когда мы все вместе приложим усилия к общему делу, оборотческая экономика с ее разросшейся бюрократией, душащая предпринимательство и здравоохранение, ослабит свою мертвую хватку и отпустит всех нас, одного за другим. И очень скоро это же произойдет со всеми странами мира. Мы стоим у начала золотого века. Г-н спикер, я ручаюсь за это будущее перед нашей палатой так же, как и за свои слова.

Встали несколько почет. членов.

Господин спикер

К порядку.

[Продолжение]

Три

Тот юнец, что запустил кирпичом во французское посольство, скрылся с места преступления, и арестов не последовало. Это отметили в Париже. На момент происшествия в Найтсбридже [13] насчитывалось порядка пятидесяти человек. К вечеру там собралось больше пяти сотен, в их числе тральщики, приехавшие из Халла [14] на автобусах при содействии разворотческой партии. Шума и криков было предостаточно, но в остальном демонстрация прошла мирно. Отрядили наряд из пяти полисменов, которым оставалось стоять у парадного входа посольства и наблюдать. Но в половине пятого кто-то метнул «зажигательное устройство». Оно приземлилось на влажный газон рядом с клумбой под окном и не загорелось. Это была молочная бутылка, содержавшая не больше дюйма жидкости для розжига. В новостях ее назвали зажигательной

---

[13] Примечания: 13

Фешенебельный район Лондона с парком.

[14] Примечания: 14

Кингстон-апон-Халл, или просто Халл, — город в Англии, расположен в 40 км от Северного моря.

гранатой, что технически, возможно, было верно. Это обстоятельство также отметили в Париже.

Еще раньше в тот же день Министерство иностранных дел и по делам Содружества вызвало французского посла, графа Анри де Клермон Лэро, потребовав дать отчет о смерти шести английских тральщиков. В официальном отчете данная встреча, в ходе которой посол выразил искренние и сердечные соболезнования семьям погибших и принес глубочайшие извинения за эту трагическую случайность, была названа «конструктивной». Пресса мало что из этого отметила, поскольку в пять часов на пороге Даунинг-стрит появился премьер-министр и сделал неожиданное заявление. Так называемая граната, сама по себе заслуживавшая осуждения, оказалась, по результатам проверки, хлопушкой, фактически «пшиком» и, по всей вероятности, не более чем шуткой крайне дурного тона. Затем Самс зачитал имена покойных тральщиков, назвав их «английскими героями». Кроме того, он выразил глубочайшие соболезнования семьям погибших и сказал, что его «потрясло» это трагическое происшествие и он был «не вполне удовлетворен» объяснениями, данными послом Франции. Премьер сослался на экспертное заключение. При

современных технологиях, в особенности на военном судне, трудно представить, чтобы можно было не заметить тридцатифутовый рыбачий баркас, пусть даже в тумане, каким бы плотным он ни был. Премьер полагал, что шкипер баркаса мог не знать, что зашел в территориальные воды Франции и занимался незаконным промыслом. Самс признал, что территориальные права, как того требуют сложившиеся международные нормы, следует уважать. Однако — здесь он выдержал паузу — в случае нарушений «ответные меры должны быть разумными и адекватными». Поэтому он «ожидает дальнейших объяснений от наших ближайших друзей, французов». После чего, игнорируя вопросы журналистов, он резко развернулся и скрылся в дверях своей резиденции.

Так трагедия в одночасье обернулась дипломатическим кризисом. Президент Ларусс, и без того озадаченный и возмущенный этими *l'inversion britannique* [15], принимая во внимание осложнения, грозившие французскому экспорту вин и сыров в Соединенное Королевство, был, как сказал его пресс-секретарь, «разочарован» тем,

[15] Примечания: 15
Фр. — Измышления британцев.

что англичане могут «сомневаться в словах ближайшего друга». Помимо того что допущение администрации Самса, будто правительство Франции практикует «убийство невинных рыбаков, заплывших в наши прибрежные воды, наносит оскорбление всему, что дорого Франции». Министр Самс в этой непростой ситуации, грозившей его стране смутой, заявил, что он непричастен к «националистской волне надуманного гнева, разжигаемого иррациональной бурей в “Твиттере”». Французскому президенту пришлось отозвать своего посла. Граф Анри де Клермон Лэро отбыл в Париж для консультаций.

Джим, недолго думая, решил отозвать британского посла из Парижа. Все складывалось удачно. В такое трудное время народу нужен заклятый враг. Патриотически настроенные журналисты восхваляли премьер-министра за то, как он уделал французов и сказал громкие слова о «наших павших мальчиках». Авторитетные издания одобряли его первостепенные задачи, изложенные в палате общин. В «Мейле» появилась статья под заголовком «Кто раззадорил Джима?»

Под конец того первого, сумбурного, дня премьер-министр удалился в свою маленькую комнату на последнем этаже и стал вникать в

«Твиттер», этот, как он его определил, примитивный аналог феромонного бессознательного. Прочитав о травле Арчи Таппера, он стал подозревать, что американский президент, вполне возможно, «один из наших». Подобострастный типчик из компьютерного отдела Уайтхолла помог премьеру завести свою страницу. Не прошло и двух часов, как у него уже было 150 000 подписчиков. Еще через час это число удвоилось.

Растянувшись на диване, Джим признал, что эта платформа идеально подходит для глубокомысленных суждений о роскофском деле, как это теперь называли. Для начала он слегка развил свое и без того известное мнение. «Оборотист Ларусс просто неудачник и, на мой взгляд, наименее эффективный французский президент на памяти народа». На мой взгляд — словно были какие-то другие. Промах. И ничем его не замажешь. На следующий день американский президент проснулся пораньше и, не вставая с постели, возглавил дебаты, дав Джиму хороший урок. «Крошка Сильвия Ларусс топит английские корабли. ПЛОХО!» Это была поэзия, плавно сочетавшая смысловую нагрузку с окрыляющей свободой от деталей. Ларусса сделали бабой и навесили ярлык коротышки (его звали Сильвен, а ростом

он был пять футов, девять дюймов [16]), и теперь, как ни доказывай обратного, это прилипнет к нему навсегда; рыбачий баркас стал кораблем, корабль стал кораблями; никакого занудного упоминания покойных. Итоговое суждение было по-детски ясным, емким и запоминающимся. А чего стоил финальный эффект заглавных букв с лаконичным восклицательным знаком! Страна свободы дала урок свободы воображения.

Позже Джим вооружился карандашом и набросал в блокноте кое-какие усовершенствования к разворотческому законопроекту. Он увидел возможности для преступников. Нигде не работают, но при этом постоянно отовариваются, набивают чемоданы наличкой, летают за границу, стимулируя грязную экономику Евросоюза, открывают счета в банках. Работай, чтобы заработать, в Кале — покупай, чтобы заработать в Дувре. Ублюдки. Решение было ясно — без этого никак. Общество без наличности будет оставлять цифровой след за каждый фунт, заработанный в магазинах, и каждый фунт, потраченный на работу. Накопления свыше двадцати пяти фунтов будут уголовно преследоваться, это надо довести до всеобщего

---

[16] Примечания: 16
175 см.

сведения. Максимальные сроки? Лучше избегать излишней строгости, поначалу. Так что пять лет.

Он писал быстро, ровным, каллиграфическим почерком, получая от этого удовольствие. Отстоящий палец — это не так уж плохо. Молодые виды, вроде *Homo sapiens,* иногда выдают полезные новшества. Но в том, что касалось проработки или передачи идей, письменность, несмотря на свое примитивное очарование, была жалким суррогатом. Он отвлекся от работы только раз, когда ему принесли тарелку пармезана. Салат его не прельщал.

Дальше. Как только законопроект будет принят, его главной задачей станет убедить американцев развернуть свою экономику. А за ними последуют остальные. Китайцам придется развернуться, чтобы обеспечить свой экспорт, и так же будет с японцами и европейцами. Чтобы заполучить Таппера, следовало хорошенько все продумать, устроить хороший прием. Джим исписывал уже четвертую страницу.

Проблема: АТ не пьет/смазка гос. визита/банкет с ПЧ, золотая карета, подхалимы, фанфары, обращение к парламенту и т. п./Преблаг. орден

Подвязки плюс крест Вик [17]. плюс поч. рыц-во/ чл-ство в Уайтс [18]/Гайд-парк в кач. лич. гольф-поля.

Но президент Америки был крутым малым, любившим играть по-крупному, и у него были свои моральные критерии, едва ли включавшие, в силу его воспитания, благоговение перед лентами и медалями, порождаемое сословной иерархией. Что для него Уайтс или Гайд-парк, когда к его услугам более дорогие клубы и более обширные поля для гольфа? Что ему «сэр», если он пожизненно «мистер президент»? Был поздний вечер, когда премьер-министр принялся всерьез обдумывать этот вопрос. Он поручил своей команде изучить правовые тонкости американского законодательства и охват президентских полномочий, а также то, как все это может благоприятствовать противоточной экономике. Теперь Джим знал все, что

[17] Примечания: 17

Крест Виктории — высшая военная награда Великобритании.

[18] Примечания: 18

Уайтс — старейший и один из самых эксклюзивных мужских клубов в Лондоне, основан в 1693 году.

нужно, о второй статье конституции США [19]. Ему было известно о силе права и поразительной широте влияния президентского приказа. Как и большинство людей, он уже знал, что президент является также главнокомандующим Вооруженными силами Соединенных Штатов. Секретариат кабинета министров предоставил Джиму общий обзор процесса согласования и утверждения американского военного бюджета. У него в заметках имелись точные суммы в миллиардах долларов на год вперед. Для прояснения этого вопроса на Даунинг-стрит прибыл министр юстиции. Американский президент мог своим приказом, по согласованию с конгрессом, перевести военный бюджет себе в офис. Следуя обычным разворотческим схемам, денежные средства потекут вверх по системе, от личного состава армии, ВМС и ВВС, а также от всех их поставщиков и производителей, прямиком к президенту. Таким образом, он получит семьсот шестнадцать миллиардов долларов.

— Лично он? По закону? — спросил Джим ми-

[19] Примечания: 19

Статья вторая Конституции США определяет функции, полномочия и порядок формирования исполнительной ветви власти, в том числе должность президента, вице-президента и назначаемых президентом чиновников.

нистра юстиции.

— По закону, да. Это создаст прецедент, который сможет удивить его оппонентов. Но с таким президентом большинство людей привыкли удивляться.

— Позвольте уточнить, — сказал Джим. — Он сможет положить эти деньги в банк?

— Конечно. Возможно, на Каймановых островах. И русский президент наверняка поможет. Даже при низких процентах он сможет жить вполне прилично на семь-восемь миллиардов долларов в год, не трогая капитал.

— А как насчет оборонного бюджета США?

Министр юстиции рассмеялся.

— Конгресс ратифицирует его заново. В эти дни все любят занимать.

Однако услышав, как Биг-Бен размеренно и мрачно отбивает одиннадцать вечера, Джим задумался, сможет ли он провернуть это по телефону. Таппер не был любителем простых радостей жизни. Решат ли вопрос 716 миллиардов? Или предложить президенту апроприировать бюджет на образование? А заодно и здравоохранение? Но это может потребовать трех подзаконных актов. Слишком сложно. Нужно положиться на удачу. В Вашингтоне сейчас шесть вечера. Президент на-

верняка смотрит телевизор, и ему не понравится, что его отвлекают. Джим еще подумал несколько секунд, уставившись на цветной орнамент пустой тарелки, лилово-красный с кремово-белым, а затем позвонил ночному портье и сказал, что ему нужно сделать неофициальный звонок. Протокол идентификации абонентов, настройка скремблирования речи и обращение к президенту заняло двадцать пять минут, и еще десять потребовалось, чтобы установить соединение. Неплохо для внеплановой конференции.

— Джим.

— Мистер президент. Надеюсь, я вас не отвлекаю посреди важного…

— Нет, я тут э-э… слышал, ты вставляешь французам.

— Они убили шестерых наших ребят.

— Убийство — это непорядок, Джим.

— Абсолютно. Согласен на все сто.

Джим растерялся от такого неожиданного единодушия. Ему были слышны крики, выстрелы и лошадиное ржание на заднем фоне, а затем вдруг бравурно заиграл оркестр с валторнами и струнными, вызывая в воображении пустынную равнину с кактусами и крутыми холмами. Джим попытался завести светский разговор.

— Как там Мел…

Но президент перебил его.

— А как там с этим новым проектом, ну, понял, с этим… изворотизмом?

— Разворотизмом? Фантастика. Мы почти готовы начать. Тут такой переполох. Поворотный момент истории.

— Встряхивать историю — это хорошо. Задай Евросоюзу взбучку.

— Мистер президент, я как раз хотел обсудить с вами.

— У тебя две минуты.

И премьер-министр изложил свое дело в выражениях, которые использовал министр юстиции, добавив несколько красочных, сочных подробностей от себя. Вверх по трубам хлынул противоточный поток свежей энергии, вмиг сокрушив старые засоры, отбросив стереотипы, а под конец высоко в воздух выстрелил сказочный фонтан торговых сделок, фондов, электронных долларов, падавших на землю, словно долгожданный дождь, словно спиральный вихрь осенних листьев, словно вьюга, кружащаяся воронкой…

— На мой счет? — сказал президент хриплым голосом. — То есть на мой расчетный счет?

— Офшорный, разумеется. Вам нужно будет

привлечь своих людей.

Повисла тишина, перемежаемая приглушенным смехом по телевизору, дребезжащим пианино, звоном бокалов и радостной пальбой в потолок.

— Когда ты вот так говоришь об этом, — сказал, наконец, президент, — я вижу, в этом что-то есть. Определенно. Думаю, вместе мы, Джим, заставим развратизм заработать. Но сейчас мне нужно э-э…

— Еще одно слово, мистер президент. Могу я задать вам личный вопрос?

— Конечно. Если только это не касается…

— Нет, нет. Конечно. Это касается того, что было… *до того.*

— До чего, Джим?

— Шесть?

— Повтори.

— Хорошо. У вас… У вас раньше…

— Раньше что?

— Было гм…

— Боже! Выкладывай, Джим! Было что?

— Шесть ног? — прошептал он.

Линия смолкла.

Погода, этот верный символ британского характера, выкидывала фортели. После пяти дней

небывалой жары по всей стране зарядил на две недели небывалый ливень. Темза, как и все прочие реки, поднялась, и Парламент-сквер ушел под воду на четыре дюйма, так что туда нанесло всевозможного плавучего мусора. Даже лучшие фотографы не могли сделать удачный кадр. Когда же дождь прекратился, с Азорских островов снова пришла жара, еще сильнее и длиннее прежней. В течение недели после того, как спала вода, в прибрежных районах Лондона повсюду лежал толстый гладкий слой шлама. Влажность не опускалась ниже девяноста процентов. Когда грязь подсохла, поднялась пыль. Из-за знойных ветров, дувших с необычайной свирепостью по несколько дней кряду, возникали неведомые раньше в городе пыльные бури, изжелта-бурые, такие плотные, что было не разглядеть Нельсона на его колонне. Часть песка, как было установлено аналитическим путем, долетела из Сахары. В партии свежих фиников на Боро-маркете был обнаружен живой черный скорпион длиной четыре дюйма. Ошалелые пользователи соцсетей отказывались понимать, что эти ядовитые создания не разносятся ветром из Северной Африки. Нашествие скорпионов отдавало чем-то библейским. Так или иначе, это усугубляло и без того мрачные

настроения среди крепкого меньшинства электората, убежденного под влиянием бредовых идей правительства, что катастрофа неминуема. Другое крепкое меньшинство, не столь малочисленное, полагало, что их ожидает грандиозное приключение. Они ждали его с нетерпением. Обе фракции имели представителей в парламенте, но не в правительстве. Погода была подходящей. Сплошное безобразие и плохая видимость.

Как нарочно, Франция решила выдавать покойных рыбаков по одному в неделю, высылая их в гробах, после вскрытия. Их доставляли самолетом в Стэнстед [20], где меньше всего хотелось светиться Джиму. Покойники, по настоянию правительства, не выдавались семьям немедленно. Вместо этого их держали в морозильнике вблизи Кэмбриджа, и, когда прибыл последний гроб, все шестеро были переправлены транспортным самолетом Королевских ВВС в Ройал Уоттон Бассетт [21]. Организацию взял на себя Джим. Он решил, что духовой оркестр не нужен. Вместо этого он будет в одиночестве стоять на аэродро-

---

[20] Примечания: 20

Лондонский аэропорт Стэнстед — бюджетный пассажирский аэропорт с одной взлетно-посадочной полосой.

[21] Примечания: 21

Живописный рыночный городок с населением около 12 000 человек.

ме, молча глядя на телерепортеров и массивный четырехдвигательный винтовой самолет, заходящий на посадку. Храбрая одинокая фигура лицом к лицу с гигантской машиной. Антенны Джима тонко улавливали настроение народа. Так совпало, что в тот день зарядил дождь, и надолго. Гробы, обернутые в Юнион-Джеки, выносили друг за другом солдаты Гвардейского гренадерского полка, маршируя размеренным траурным шагом, и опускали их возле премьер-министра. Дождь пришелся кстати. Джим расчетливо отказался от зонтика, и струи дождя текли у него по лицу. Или то были слезы? К тому имелись все основания. Нация ненадолго сплотилась в безутешном горе. В Халле и рядом с кораблем Ее Величества «Белфаст», в Лондоне, возлагали горы цветов, плюшевых мишек и игрушечных рыбачьих лодок.

Затем настала вторая полоса жары. Апартаменты премьер-министра под самой крышей, с окнами, плотно закрытыми от песчаных ветров, превратились в парилку. Но влажная жара создавала идеальную среду для Джима. Никогда еще он не испытывал такого прилива сил. Его кровь, бурлившая и разреженная, неслась по венам и питала его занятой ум свежими иде-

ями. Он отказался заменять Саймона новым специальным советником. Также он не проводил заседания кабинета. Единственной его целью стало обеспечить приход разворотизма, и он прилагал к этому все свои силы, как и обещал в парламенте. Разворотизм поглотил его, и он не видел больше ничего вокруг. Он пребывал в полубредовом блаженном состоянии, не сознавая ни времени, ни голода, ни даже самого себя. Им владела исступленная одержимость, разжигая в нем необычайное рвение, проявлявшееся в неуемной страсти к пояснениям, дополнениям, поправкам. Движимый смутным воспоминанием о Черчилле в 1940 году, он снабжал каждое письменное указание пояснением: «Дайте мне ответ сегодня, подтверждая исполнение вышеуказанного». Эти слова просочились в прессу. Премьер-министр проводил встречи с главами MI5 и 6, лидерами делового мира и профсоюзов, врачами, медсестрами, фермерами, директорами школ, начальниками тюрем и ректорами университетов. Он предпочитал не отвечать на вопросы, но терпеливо объяснял, как их различные сектора обогатятся при новом режиме. Он проводил регулярные консультации с «главным

кнутом»[22]. Было похоже, что разворотческий законопроект легко пройдет с перевесом голосов в двадцать. Премьер писал меморандумы, раздавал команды и делал мотивирующие телефонные звонки членам своей министерской команды. А также передавал Ширли духоподъемные заявления для прессы. Чиновничьему аппарату было придано турбоускорение; во всех министерствах Лондона ночь напролет горел свет. Как и в апартаментах на Даунинг-стрит. Снаружи, днем и ночью, ожидали мотокурьеры, забирая и вручая документы, слишком конфиденциальные для цифровой передачи.

За рубежом события также развивались как нельзя лучше. Французские патриоты облили красной краской фермерский дом одного англичанина в Провансе. Лондонские таблоиды ответили здоровым возмущением. Когда премьер-министр призвал к ответу лично президента Ларусса, в газете «Сан» появилась карикатура в виде машущего дубинкой Джона-Быка с лицом Джима, которая разлетелась по всему интернету. Самс набрал на пятнадцать избирательных пунктов больше Хораса Крабба. Американский

---

[22] Примечания: 22
Сленговое обозначение парламентского партийного организатора.

президент в своих утренних твитах называл премьер-министра Самса «великим человеком» и однажды заявил, что пришло время развернуть всю экономику США. Вскоре после завтрака его индекс Доу-Джонса упал на тысячу пунктов. Следующим утром Таппер передумал. Он сказал, что просто «играл с этой идеей». Фондовые биржи по всему миру вздохнули с облегчением. Но, когда глава Федерального резерва США применил к разворотизму эпитет «полоумный», президент ответил с удвоенным возмущением. Разворотизм снова стал набирать силу. Он сможет «поставить старую элиту на колени». Однако на этот раз Доу-Джонс остался в порядке. Как сказал один из брокеров с Уолл-стрит, рынки запаникуют в нужное время.

Как-то поздним вечером в комнату к Джиму постучалась Глория, та самая молодая женщина в брючном костюме, которая заглядывала к нему в первое утро, и сообщила новость. Саймона нашли повесившимся на бечевке в спальне своего дома в Илфорде, где он жил один. И самое замечательное, что он не оставил записки. Он провисел как минимум неделю. Пока Глория ходила за шампанским, Джим набросал хвалебно-скорбную записку. Хорошо, что Саймон

не стал писать мемуары или плести заговор с противниками разворотческого проекта. Глория пожелала спокойной ночи и отнесла трогательный панегирик Ширли, чтобы та напечатала его и разослала — все англичане отметят его теплоту. Премьер-министр выпил бутылку один, продолжая работать. Но его обычная сосредоточенность стала изменять ему. Что-то беспокоило его, какое-то смутное подозрение, которое он затруднялся определить. Наконец он отложил ручку и задумался. Он не находил ни единой причины для беспокойства, не считая тривиального предрассудка, от которого он, воплощение рациональности, не мог отмахнуться: последнее время все новости были одна лучше другой — ударные темпы в работе, расчеты парторга, подавление мятежа Комитета 1922 года, мертвые рыбаки, пресса, его стремительно растущая популярность, красная краска, похвалы Таппера, а теперь еще это. Разве мог он не тревожиться, когда весь его жизненный опыт утверждал, что удача, улыбавшаяся столько времени, должна будет в какой-то момент изменить ему. Саймон, болтавшийся в петле, не давал премьеру покоя. Он плохо спал, всю ночь переживая, что эта смерть была не столько подарком судьбы, как

дурным предзнаменованием.

И он оказался прав, поскольку следующее утро принесло даже не одну, а целых две плохие новости, причем обе касались его проекта. Первая пришла в виде электронного письма от партийного организатора. Имелась тайная клика среди его заднескамеечников, группа оборотчиков, собиравшихся в частном доме где-то за окраиной Лондона. Известно о них было немного — ни численности, ни имен. Кое-кто был под подозрением, но без прямых улик, и все всё отрицали. Голосовали они заодно с правительством, чтобы не выдать себя. Уму непостижимо, как они так долго водили за нос офис парторга. Но одно теперь было известно наверняка. Главным заговорщиком был министр иностранных дел, Бенедикт Сент-Джон, и они, по-видимому, намеревались помочь оппозиции отклонить разворотческий законопроект, когда он вернется в палату общин.

Это беспардонное предательство не шло у премьера из головы, пока он брился, одевался и спускался по лестнице. Он был так зол, что хотел кого-нибудь ударить или что-нибудь сломать. Ему стоило немалого труда казаться приветливым перед младшими сотрудниками, встретившими его в холле. А все потому, что в по-

следнее время он был слишком поглощен своей работой и слишком самонадеян. Ему следовало разобраться с Бенедиктом Сент-Джоном много дней назад. Будь он сам себе хозяин, Джим бы с радостью перерезал ему глотку. Такие буйные, кровожадные мысли не отпускали его, пока он не уселся за кофе, и тогда его пресс-секретарь в своей сдержанной манере положила перед ним разворот «Дейли-телеграф».

Там была одна из тех утечек из самого сердца правительства, которыми славилась эта газетка, нимало не заботясь о том, что подобная публикация идет вразрез с их строгим разворотческим курсом. Что угодно ради сенсации. Это были тщательно подобранные выдержки из меморандума Королевских ВМС, указывавшие, что роскофское дело было несчастным случаем. Представленные сведения не оставляли в этом сомнений: данные радаров и спутников, сообщения «корабль — берег», сообщения водолазов-спасателей патрульному кораблю, переговоры французского посольства и Елисейского дворца и рассказы очевидцев. Джим перечитал статью дважды. Ни к чему из этого не мог иметь доступ Саймон. Среди множества диаграмм и фотографий была и фотография с ним, где он стоял на аэродроме,

мокрый и гордый, рядом с гробами, обернутыми флагами. Эта утечка была политической акцией, несомненно со стороны оборотчиков. Источник был очевиден. Заговор заднескамеечников и эта новость росли из одного места. Его враги не теряли времени, и разворотизм был под угрозой. Джим понял, что действовать нужно быстро.

Офис Ширли уже подготовил заявление для прессы. Джим прочитал его и удалил все намеки на извинения перед французами. Он не желал терять лицо. Он отказался от интервью. В двух словах, премьер-министр был невыразимо рад узнать, что случившееся с командой «Ларкина» оказалось трагической случайностью. Наши храбрые Королевские ВМС представили неопровержимые доказательства, которые французское правительство, по тем или иным причинам, представить было не в силах. Ужасная потеря, пережитая семьями погибших, оставалась предметом глубокой… понесших утрату… Премьер-министр выражал благодарность французским властям за все их… и желал заверить наших добрых соседей, что служебные перехваты их радио- и телефонных сообщений были не более чем искренним выражением глубокого уважения со стороны Соединенного королевства.

…для Пятой республики.

Он поставил подпись под текстом и сказал сотрудникам, поднимаясь обратно в свои апартаменты, чтобы его не беспокоили. Он запер за собой дверь, убрал бумаги с кофейного столика и положил на него большой блокнот и шариковую ручку с красными чернилами. Какое-то время он сидел в задумчивости, обхватив подбородок ладонью, а затем принялся писать имена, обводить их кругами и соединять одиночными или двойными линиями со стрелками и знаками вопроса. Он оценивал действия и возможные последствия, вероятность их раскрытия и возможности отрицания своей причастности, рассматривая все это через искаженную призму альянсов, разрывов и опал. Его разум идеально подходил для этого, он был прекрасно сбалансирован и отличался приспособляемостью благодаря генетическому наследию невообразимой длительности, обеспечивавшему процветание его вида в течение миллионов лет, возводя выживание до уровня искусства. К тому же жизнь в постоянной, можно сказать рутинной, борьбе выработала в нем почти бессознательное мастерство самозащиты и охраны своих владений — причем скрытно. Он твердо знал, что победа будет за ним. Плетя

интриги, он полностью реализовывал себя и переживал полноту бытия, радостно погружаясь в политику в самом чистом значении, то есть следуя принципу «концы в воду». Он усердно думал и высчитывал, и через полчаса ему стало ясно, что для убийства министра иностранных дел уже слишком поздно. Он открыл чистую страницу и задумался.

Были и другие, более мягкие, способы устранить противника. Современная общественная жизнь предоставляла метафорический арсенал вооружений не хуже гранат с растяжкой, отравленных дротиков и пехотных мин, ожидающих неосторожного шага. На этот раз Джим не колебался. Ему понадобилось два часа для написания статьи — возможно, для «Гардиан» — своего рода признания, которое требовало от автора навыка, совершенно чуждого Джиму, — вживания в чужой разум. Но он старался как мог, и уже через три абзаца ему стало жалко себя, точнее, того, кого ему следовало найти и задобрить. Или припугнуть. Это была схема с открытым финалом. Выяснить его можно было, только дописав текст до конца. Поставив точку, Джим встал с чувством эйфории и принялся мерить шагами небольшое пространство чердачной комнаты.

Ничто не приносило такого раскрепощения, как хорошо сплетенная паутина лжи. Вот почему люди становятся писателями. Он снова присел и протянул руку к телефону. В его списке было три имени. Кому он мог доверять? Или кому он не доверял в наименьшей степени? Едва задав себе этот вопрос, он уже знал ответ, и его указательный палец застучал по клавишам.

Главное, что всем было известно о Джейн Фиш, это что она курила трубку. А также то, что на самом деле это не так. То есть она вообще не курила. Много лет назад, когда она начинала свой путь в политике с самой скромной, неблагодарной и наименее популярной должности в правительстве, госсекретаря по делам Северной Ирландии, она посетила мероприятие в Белфасте по сбору средств на борьбу с курением. Она согласилась затянуться на камеру трубкой и выдохнуть в лицо ребенку, чтобы продемонстрировать опасность пассивного курения. Девочка, заранее подготовленная, закрыла глаза и не дышала. Но картина общественной жизни пишется широкими мазками. Эта фотография вызвала двухдневную бурю возмущения в СМИ. Поскольку Фиш имела правильную речь, хорошие манеры и приятное невыразительное лицо, карикатуристам ничего

не оставалось, как изобразить ее с трубкой во рту. Для авторов политических скетчей она навсегда стала «Джейн Фиш с трубкой». Она была популярной фигурой. В глазах общественности она была прагматичной личностью и заслужила симпатию публики за свое неприятие прилюдного кормления грудью. Сперва она была пылкой оборотисткой, после чего, повинуясь воле народа, стала не менее пылкой разворотисткой. Сторонники обеих партий восхищались ее красноречием.

Из трех женщин в списке премьер-министра она, как он считал, стояла ближе прочих к своим феромонным корням. И он не ошибся. Тем вечером, когда он изложил ей по телефону факты, она немедленно признала необходимость жестких мер. Она призналась, что всегда имела сомнения насчет Бенедикта. Джим тут же отправил ей с мотокурьером свою рукопись в запечатанном пакете. Через полтора часа она перезвонила и предложила некоторые поправки. Одни касались исторических сведений, другие — того, что она назвала «вопросом голоса». Следующим утром Ширли перепечатала набело текст и направилась на Кингс-кросс, чтобы доставить горячий материал в «Гардиан» и обсудить условия пуб-

ликации. Премьер-министр настоял, чтобы пресс-секретарь оставалась в редакции, пока будет готовиться к печати свежий номер. «Гардиан» всегда отличалась широтой своих взглядов, одно время там вел колонку Осама Бен Ладен, а в штате журналистов числился официальный член экстремистской организации Хизб ут-Тахрир [23]. При других обстоятельствах «Гардиан» едва ли напечатала бы статью Джейн Фиш, но разве могло устоять оборотческое издание, когда один министр сводил счеты с другим в правительстве, которое оно презирало?

Дорогого стоит видеть, что творится в издательстве большой газеты за несколько часов до публикации горячего материала. Работа кипит, являя примеры высочайшего профессионализма и командного духа, долговременной памяти и оперативного анализа. Все здание гудит. Ширли позже рассказывала коллегам, что это было все равно что находиться в лазарете на передовой в самый разгар ожесточенной битвы. Редактор переделала всю первую полосу с передовицей и три внутренние полосы. К пяти вечера печатные станки выдали первые экземпляры. Должно

[23] Примечания: 23

Хизб ут-Тахрир аль-Ислами — международная панисламистская политическая партия, основанная в 1953 году в Восточном Иерусалиме.

быть, это был волнующий момент для журналистов старшего поколения — взять в руки свежую бумажную газету. Но сейчас это было неважно. Веб-сайт газеты уже распространял волнующие откровения с постоянными обновлениями, не прекращавшимися в течение четырех часов. Конкурирующие газеты могли успеть подхватить эту историю для завтрашних тиражей, а телеканалы — поменять порядок подачи материала в вечерних новостях. Социальные сети, блоги, политические электронные журналы были в ударе. Роскофское дело, с его вздорным пафосом, намекавшим на убийство, тогда как это был несчастный случай, потеряло актуальность. Если премьер-министр и обвинял французов, он ошибался не больше всякого англичанина. У побережья Бретани все было чисто, но только не в Уайтхолле. Лицо, занимающее одну из первых государственных должностей, запятнало себя позором. Где же был министр иностранных дел? Когда он уйдет в отставку? Как правительство справится с кризисом? Что это значило для разворотизма? Когда же государственные мужи реформируют отжившую систему? На этот вопрос премьер-министр давал однозначный ответ.

Четыре

Статья, насчитывавшая 2857 слов, выражала в большей мере сожаление, нежели желание мести. Это был рассказ о домогательствах, запугивании, непристойных насмешках и неприемлемых прикосновениях, переходивших иногда в словесные оскорбления. Фиш позаботилась подчеркнуть, что изнасилования как такового не было, и это только повышало доверие к ее словам. То, что прямодушная, откровенная уроженка севера говорила об этом с таким болезненным чувством, тронуло людей до слез. Даже глаза младшего редактора увлажнились. Возмутительные события, о которых шла речь, происходили в течение двадцати месяцев, пятнадцать лет назад, когда Джейн Фиш была личным парламентским секретарем Бенедикта Сент-Джона, занимавшего должность министра труда и пенсий. Все эти годы она жила в мучениях, слишком опасаясь за свою карьеру, слишком стыдясь такого признания и странным образом не желая портить репутацию своего одаренного коллеги. Теперь же она решилась нарушить молчание, поскольку

младшему ребенку министра иностранных дел исполнилось восемнадцать лет, и еще потому, что она пришла к убеждению, что этого требует ее долг перед молодыми женщинами, занимающими подчиненные позиции, наподобие той, что когда-то занимала она. Заголовок передовицы гласил: «Позор министра иностранных дел». На фотографии, сделанной относительно недавно, Фиш следовала за Сент-Джоном с багажом к поезду. Вокруг статьи пестрели тексты, дававшие объяснения и анализ произошедшего. На первой полосе главный редактор сокрушалась о столь гнусном поведении, но предостерегала от поспешных суждений. На редакционной полосе младший сотрудник «Гардиан» заявлял, что жертва не только всегда права, но и имеет право на доверие.

Когда премьер-министр читал тем вечером газету, один в кабинете для заседаний, он почувствовал, как проникается доверием. Чем дальше он читал свое собственное сочинение, восхищаясь его слогом, тем более убедительным оно ему казалось. Следовало передать газету Джейн. До чего же злостная, бессовестная, бессердечная клевета. Какое оскорбление всех настоящих жертв мужской агрессии. Он задумался: посмел бы он

сам когда-нибудь подписаться под этой статьей? Заключенная в пространство газетных полос и должным образом оформленная, эта история генерировала собственную правду, наподобие того, как ядерный реактор генерирует тепло. Имели эти вещи место в действительности или нет, они были вполне возможны, они были более чем вероятны, они были просто неизбежны. Стало быть, они были! Джим начал ощущать возмущение Джейн как свое. С министром иностранных дел было покончено. Тем более что он опаздывал на заседание.

Пять минут спустя, когда показался Сент-Джон, Джим еще читал газету, демонстративно помахивая ручкой. Ни один из них не произнес приветствия, и премьер-министр не встал с кресла. Он только указал на стул напротив. Наконец он отложил газету, вздохнул и печально покачал головой.

— Ну… Бенедикт?

Министр иностранных дел сидел молча. И смотрел в упор на Джима. Это сбивало с толку. Чтобы прервать молчание, премьер сказал:

— Я не говорю, что верю хоть единому слову из этого.

— Но? — подсказал ему Сент-Джон. — Ты ведь

скажешь «но».

— В самом деле. Но, но и но. Это нехорошо для нас. Ты это знаешь. Пока все не прояснится, мне нужно, чтобы ты ушел.

— Конечно.

Снова повисло молчание. Джим сказал примирительно:

— Я знаю, как было раньше. Травили байки за картотечным шкафом. Сейчас другие времена. Мее Тоо [24] и все такое. Вот тебе и «но». Ты должен уйти. Это не обсуждается. Мне нужна твоя отставка.

Сент-Джон перегнулся через стол, подтянул к себе газету и раскрыл ее.

— Это твоих рук дело.

Премьер пожал плечами.

— Ты слил данные в «Телеграф».

— Там все правда. Но здесь!

— Теперь и это правда, Бенедикт. — Джим взглянул на свои часы. — Слушай, мне что, выпихивать тебя?

Министр иностранных дел вынул лист бумаги, сложенный вчетверо, и метнул через стол. Джим развернул его. Стандартное обращение. Великая

---

[24] Примечания: 24

Англ. — «Меня тоже». Общественное движение против насилия, в рамках которого женщины рассказывают о пережитом опыте.

честь послужить… беспочвенные заявления… отстранение от неоценимой работы правительства.

— Хорошо. Ну… Проводи больше времени со своими заговорщиками.

Бенедикт Сент-Джон даже не моргнул.

— Мы тебя уроем, Джим.

В таких перепалках важно оставить за собой если не последнее слово, то хотя бы последнюю шпильку. Премьер-министр встал, нажав кнопку под столом. Весьма удобную кнопку. Вошел бородатый полисмен с автоматом наперевес.

— Выведи его из парадных дверей. И чтобы медленно, — сказал Джим. — Не выпускай его локоть, пока не выведешь за ворота.

Два министра пожали друг другу руки.

— Тебя там ждут, Бенни. На фотосессию. Расческу не одолжить?

Неохватный полный свод законов Европейского союза и протоколов таможенного союза о товарообороте никак не препятствует государству-члену развернуть направление своих финансовых потоков. Это не совсем равнозначно разрешению. Или равнозначно? Определяющий принцип открытого общества гласит, что разрешено все, что не запрещено. Тогда как за

восточными границами Европы, в России и Китае, как и во всех тоталитарных государствах мира, запрещено все, что не санкционировано государством. В коридорах Евросоюза никто не задумывался о том, чтобы исключить обратный денежный поток из допустимых практик, поскольку никто никогда не слышал о такой идее. А если кто и слышал, было бы непросто определить законодательные или философские принципы для обоснования незаконности подобной практики. Воззвание к основам не решало вопроса. Всем известно, что ни в одном законе физики, за единственным исключением, нет логической причины того, чтобы описанное явление не могло бы двигаться не только вперед, но и назад. Знаменитое исключение представляет собой второй закон термодинамики. В этом изящном умопостроении время может двигаться только в одном направлении. Если так, то разворотизм представлял собой частный случай второго закона и потому не подчинялся ему! Или подчинялся? Этот вопрос вызвал бурные дебаты в Европейском парламенте в Страсбурге, затянувшиеся до утра, после чего их участникам пришлось переместиться в Брюссель, как это нередко случалось. К тому времени, как они прибыли на место, рас-

паковались и хорошенько подкрепились, нить рассуждений была уже потеряна, и даже физик-теоретик, прибывший по особому поручению из ЦЕРНа с интересными уравнениями, не сумел пролить свет на данный вопрос. Кроме того, на следующий день возникли новые вопросы. Сохранили бы слова ученого свою истинность, будь они сказаны в обратном порядке?

Разворотизм, вместе с другими вопросами, был отложен в сторону. Надвигались ожесточенные дебаты по молдавскому мороженому. Эта тема была не столь тривиальна, как пыталась представить еврофобская лондонская пресса. Словопрения по согласованию ингредиентов высококачественного молдавского мороженого с нормами Европейского союза являли собой частный пример растущей дипломатической напряженности между Западом и Россией по поводу будущего этой крохотной, но стратегически важной страны. Вопрос был непростой, но он имел решение, хотя бы в теории. Чего нельзя было сказать о разворотизме.

Рядовые брюссельские чиновники смотрели в изумлении, как в ходе референдума было принято это поразительное решение. Но вскоре все смогли расслабиться и пожать плечами, когда

весь процесс ожидаемо застопорился, увязнув в противоречиях. Несомненно, подобная ахинея будет задвинута в долгий ящик, по освященному веками обычаю. Но затем возникло еще большее изумление, когда мягкий, колеблющийся премьер-министр Самс пережил не иначе, как перестройку личности, представ современным Периклом, проворным и неукротимым в своем стремлении претворить разворотизм в жизнь, чего бы ему это ни стоило, с Европой или без нее. Неужели это действительно случится? Неужели родина парламента не сможет образумить свой народ? Возможно ли такое, чтобы парень из Брюсселя, собравшись отдохнуть, провел шикарные выходные в лондонском «Ритце», а затем вышел через парадные двери с тремя тысячами фунтов наличными? После чего его в тот же день могли бы арестовать за владение незаконной суммой денег. Или как минимум конфисковать эти средства на таможне. А что, если — какой кошмар — его заставят приобрести работу посудомойщика на кухне отеля, пока он не потратит всю наличность? Какая нация могла бы сотворить с собой такое? Смех и грех. Несомненно, у греков должно быть слово, означающее сознательное действие себе во вред? Да, есть такое слово. Акра-

сия [25]. То что надо. Слово пойдет в массы.

Но улыбки — озадаченные, скучающие и снисходительные — стали застывать на лицах, когда американский президент продемонстрировал у себя в твитах верность своим убеждениям. Во имя свободной торговли, процветания и величия Америки и поддержки бедных, разворотизм был «хорош». Премьер-министр Самс был велик. И хотя согласно принципу децентрализации Евросоюза это было чисто внутренним делом, кое-кто в Брюсселе был обеспокоен тем, что президент Таппер предлагал одному генералу в отставке и миллиардеру, владевшему сетью казино, стать новым «царем» Британской государственной службы здравоохранения. В силу этих причин премьер-министра Самса слушали с необычайной учтивостью, когда, в начале декабря, он выступил с лекцией в штаб-квартире НАТО.

Самс выступал вместо разжалованного министра иностранных дел. В его речи не было, по существу, ничего нового, кроме акцента на срочности. Премьер сразу перешел к делу. Как всем известно, Соединенное Королевство собирается разворачивать свои финансы, а значит,

---

[25] Примечания: 25

Греч. ἀκρασία — действие вопреки здравому смыслу.

и свои благосостояния, двадцать пятого числа текущего месяца. «Не пропустите!» — добавил он зазывно. В ответ возникли любезные улыбки. Премьер-министр пробежался по списку требований, давно знакомых публике, собравшейся в главном лекционном зале. Первый из новых ежегодных взносов Евросоюза в пользу Соединенного Королевства в размере 11,5 миллиарда фунтов стерлингов подлежал оплате первого января. Первый взнос НАТО ожидался не ранее июня. Средства, сопровождающие весь экспорт Евросоюза в Соединенное Королевство, должны учитывать индекс инфляции, составляющий два процента. И, как уже было сказано, — здесь Джим раскинул руки, как бы обнимая всю аудиторию, — в качестве жеста доброй воли средства, сопровождающие экспорт Соединенного Королевства в Евросоюз, будут также учитывать этот индекс. К этому были добавлены некоторые формальности и заверения относительно «направления движения» Соединенных Штатов. В заключительных замечаниях Джим выразил надежду, что уже в скором времени «чешуя отпадет от глаз ваших» [26], каковое изречение ввергло

[26] Примечания: 26

Деян. 9:18. «И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел». Синодальный перевод.

в ступор болгарскую переводчицу, сидевшую в своей кабинке, в задней части зала. «Чувство меры вас оставит, — перевела она слова премьер-министра, — и все слепо последуют за нами в будущее» [27].

После лекции молодой французский дипломат говорил коллеге, по пути к шведскому столу:

— Не понимаю, чему они аплодировали стоя. Да еще так громко и долго.

— Так они выражали возмущение услышанным, — объяснил ему старший коллега.

Британская пресса не без причины назвала речь Джима триумфальной.

На следующий день, в Берлине, произошел неприятный случай. Премьер-министр прибыл туда для частной встречи с канцлером. У нее выдался трудный день в Рейхстаге, и она, рассыпавшись в извинениях, приняла его в крохотной комнате отдыха рядом с ее кабинетом. Не считая двух переводчиков, двух стенографистов, трех телохранителей, немецкого министра иностранных дел, британского посла и второго секретаря, они были одни. Два лидера сели друг напротив друга за древний дубовый стол. Остальные долж-

[27] Примечания: 27

В английском языке слово scales, означающее «чешую» в библейском контексте, имеет в обиходе значения меры, масштаба.

ны были стоять. Премьеру открывался за спиной канцлера вид на реку Шпрее и музей за ней. Сквозь зеркальные окна он видел наглядную историю Берлинской стены. Джим знал по-немецки два слова: Auf и Wiedersehen [28]. Посреди встречи он принялся гнуть пальцы. Он хотел дополнительного финансирования для сопровождения немецкого экспорта автомобилей в Соединенное Королевство в обмен на дополнительное финансирование в поддержку британского экспорта рислинга из Глазго, который, как Джим объяснил, намного превосходил рейнскую версию.

В этот момент канцлер его перебила. Поставив локоть на стол, она прижала ладонь ко лбу и закрыла глаза.

— Warum? [29] — сказала она с закрытыми глазами и затараторила что-то, а потом повторила: — Warum, — и опять затараторила дольше прежнего, и так повторялось несколько раз, и последним словом, которое она произнесла, не открывая глаз и чуть опустив голову к столу, было все то же, простое и печальное: — Warum?

Переводчик произнес бесцветным голосом:

---

[28] Примечания: 28
Нем. Auf Wiedersehen — До свидания.

[29] Примечания: 29
Нем. — Почему.

— Почему вы это делаете? Почему, с какой целью, вы разрываете на части вашу нацию? Почему вы налагаете эти требования на ваших лучших друзей и притворяетесь, что мы — ваши враги? Почему?

У Джима стало пусто в голове. Да, сказывалось утомление после стольких путешествий. В комнате повисла тишина. За рекой, перед входом в музей, шеренга школьников выстраивалась за учительницей. Британский посол, стоявший за спиной премьера, прочистил горло. Было душно. Надо бы открыть окно. В уме премьера проплыл ряд убедительных ответов, но он не стал их озвучивать. Потому что. Потому что это то, что мы делаем. Потому что это то, во что мы верим. Потому что мы сказали, что сделаем это. Потому что люди сказали, что хотят этого. Потому что я пришел всех спасти. Потому что. Это и был в конечном счете единственный ответ: *потому*.

Мысли его понемногу прояснились, и он с облегчением вспомнил слово из своей речи, произнесенной прошлым вечером.

— Обновление, — сказал он ей. — И электрификация авиации, — после напряженной паузы его прорвало, слава богу. — Потому, мадам канцлер, что мы намерены стать чистыми, экологичны-

ми, процветающими, едиными, уверенными и амбициозными!

Тем вечером, когда он дремал на заднем сиденье посольского лимузина, направляясь назад, в аэропорт «Тегель», зазвонил его телефон.

— Боюсь, плохие новости, — сказал парторг. — Я припугнул всех, кого мог. Они знают, что лишатся своих мест. Но не меньше десятка переметнулись к Бенедикту. Увольнение сделало его популярной фигурой. И они не верят Фиш. Или просто ненавидят ее. На данный момент мы потеряли больше двадцати голосов… Джим, ты там?

— Я здесь, — сказал он после паузы.

— И?

— Я думаю.

— Объявить перерыв *pour mieux sauter ?*[30]

— Я думаю.

Он рассеянно смотрел в пуленепробиваемое окно. Лимузин в сопровождении полицейского эскорта скользил кружным маршрутом по узким зеленым дорогам, мимо добротных домов с садовыми участками, тоже весьма ухоженными. «Летние домики», — подумал Джим. Берлину свойственна определенная серость. Мягкая и

---

[30] Примечания: 30

Фр. — Для лучшего прыжка.

приятная. Она ощущается в воздухе, в светлой песчаной почве, в крапчатой каменной облицовке. Даже в деревьях и травах, и в зеленых границах пригородов. Такой прохладный и привольный серый, необходимый для связного мышления. Размышляя об этом, пока парторг ждал его ответа, Джим почувствовал, как его пульс замедляется, а мысли складываются в четкие самодовлеющие конструкции, вроде тех немецких домиков. Он словно бы ощутил в своем распоряжении древний мозг, который мог решить любую современную задачу. Даже без помощи глубокого феромонного бессознательного. Или тривиального интернета. Без ручки и бумаги. Без советников.

Он поднял взгляд. Процессия автомобилей и мотоциклов, доставлявшая премьер-министра к ожидавшему его реактивному самолету Королевских ВВС, остановилась перед въездом на магистраль. И в тот момент Джима посетил вопрос, словно поднявшись со дна колодца глубиной тысячу миль. Джим поразился его простоте и красоте. До чего же легким был этот вопрос: кого он любил больше всех в мире? И в тот же миг он дал себе ответ и понял, что надо делать.

Никто не удивился, когда Арчи Таппер по-

просил знакомого бизнесмена организовать импровизированную конференцию конгрессменов-республиканцев с участием представителей различных учреждений и исследовательских институтов, к которым они относились. Такие конференции проводились довольно регулярно и отличались благочестием, хорошим финансированием, патриотизмом и сытным столом. Основными темами традиционно были неприкосновенность жизни, непогрешимость второй поправки [31] и, разумеется, свободная торговля. Хорошо освещались горная промышленность, строительство, нефтедобыча, оборонный сектор, табачная и фармацевтическая индустрия. Джим вспомнил, что и сам присутствовал на паре таких конференций еще до того, как стал лидером партии. У него остались самые теплые воспоминания о любезных дородных людях средних лет, с ароматными, гладко выбритыми розовыми лицами, настоящих джентльменах, непринужденно чувствовавших себя в смокингах. (Женщин там было немного, и ни одного цветного лица.) Один добрый малый настоятельно приглашал его на огромное ранчо в Айдахо. Через пять ми-

[31] Примечания: 31

Вторая поправка к Конституции США гарантирует каждому американцу право на хранение и ношение оружия.

нут кто-то еще пообещал ему радушный прием в духе старого доброго Юга в Луизиане. Щедрые и дружелюбные, они воспринимали в штыки любое упоминание климатических изменений и таких международных организаций, как ООН, НАТО и Евросоюз. Среди них Джим чувствовал себя как дома. Он не сомневался, что они проявят искренний интерес к его предложению и помогут профинансировать британский разворотческий проект, пусть даже многие считали, что он не слишком подходит для такой большой страны, как США. Но, возможно, Таппер сумеет каким-то образом убедить их. Вот уже пару лет британские премьеры правильных убеждений были желанными гостями. Но эта наспех созванная конференция должна будет задать тон противоточному финансированию. Президент произнесет краткую вступительную речь. Среди иностранных гостей числились сорок проправительственных консервативных парламентариев. Местом проведения был выбран один отель в Вашингтоне, владельцем которого оказался Арчи Таппер, что должно было придать мероприятию определенную интимность.

Для британского контингента временные рамки были неудобными. График работы парламента

не оставлял свободного времени. Единственной темой для обсуждения был разворотизм. Все только и говорили, что о бунте под предводительством коварного бывшего министра иностранных дел. Голосование было назначено на 19 декабря. Политическая жизнь всегда бурлила в это время года, не говоря о рождественских мероприятиях и семейных торжествах. Но это мероприятие было особого рода: путешествие первым классом, номера люкс площадью шесть тысяч квадратных футов, огромные пятизначные суточные, рукопожатие президента и общий восторг оттого, что американцы все сильнее интересуются Британским Проектом. Кроме прочего, премьер-министр написал всем приглашения лично. Сам он не мог присутствовать, но направлял вместо себя Тревора Готта, канцлера герцогства Ланкастерского, импульсивного и приземленного малого, «плоского», как считали некоторые. Ничего другого не оставалось — парламентарии приносили извинения коллегам, должностным лицам и родственникам и принимались заключать «парные» соглашения. Таков был парламентский обычай — член парламента, который должен отсутствовать в палате в день голосований, мог взять себе в напарники

члена парламента с противоположной стороны. Отсутствовали оба, и таким образом обеспечивалось равенство сторон на голосовании. Это было особенно удобно для проправительственных парламентариев, которые часто отсутствовали по официальным поручениям. Не менее удобно это было для парламентариев, отсутствовавших по причине болезни, помешательства или посещения похорон.

Конференция имела сногсшибательный успех, как почти все конференции такого рода. Президент Таппер во вступительной речи отметил, что британский премьер-министр велик, а разворотизм хорош. Конгрессмены и сенаторы, олигархи и интеллектуалы из исследовательских институтов разделяли радостное чувство, что мир преображался в согласии с их мечтами. История была на их стороне. Банкет, устроенный вечером 18 декабря, был восхитителен, как и несколько предыдущих банкетов. После речей на сцену с симфоническим оркестром вышел имитатор Фрэнка Синатры и исполнил в обворожительной манере My Way. После чего копия Глории Гейнор исполнила I Will Survive, растрогав семьсот гостей до стоячих оваций со слезами на глазах.

Не успели все рассесться, как завибрировали

в унисон телефоны сорока гостей. Партийный организатор велел им срочно возвращаться в Лондон. Транспорт уже ожидал их перед отелем. Их самолет вылетал через два часа. На сборы у них оставалось десять минут. Они должны были явиться в палату общин к одиннадцати следующим утром для решительного голосования за разворотизм. Парное соглашение утратило силу.

Британцы спешно покидали банкетный зал, не успевая прощаться с новыми друзьями. Как же они костерили своих коллег-лейбористов всю дорогу до аэропорта Рональда Рейгана. Что за безобразие — покидать рай из-за коварства тех, кому они так глупо доверяли. Большинство парламентариев были слишком взвинчены, чтобы спать, так что они гоняли туда-сюда тележку с напитками и ругались весь путь до Хитроу. Движение в районе Чизика было таким плотным, что они прибыли в палату общин всего за несколько минут до того, как прозвенел парламентский звонок. Только когда вашингтонские бражники, как их стали называть впоследствии, шли через холл, они заметили отсутствие своих лейбористских «пар». Законопроект был принят с перевесом в двадцать семь голосов. Остальное, как говорили люди все утро, было «историей». На

следующий день разворотческий законопроект получил королевскую санкцию и вступил в силу.

Последовал, разумеется, конституционный скандал, обвинения в бесчестии. Вопли негодования со стороны оборотческой прессы. Сорок парламентариев-лейбористов, облапошенных разворотистами, написали письмо в «Обсервер», гневно клеймя правительство Самса за его «грязное, бесстыдное жульничество». Раздавались призывы к судебному пересмотру.

Джим утешил Джейн Фиш по телефону:

— Мы вырулим. Все путем. Вот увидишь.

После чего распорядился доставить ящик шампанского в офис парторга.

В тот вечер премьер-министр дал длинное интервью телеканалу Би-би-си. Он говорил суровым, размеренным тоном: «Извиняться? Позвольте, я объясню вам базовые принципы. В этой стране у нас нет письменной конституции. Что у нас есть, это традиции и конвенции. И я всегда их чтил, даже когда это шло вразрез с моими насущными интересами. Так вот, я должен указать вам, что в палате общин есть такая давняя и славная традиция — нарушать парное соглашение. Не так давно, но до моего вступления в должность премьер-министра, пока одна либеральная демо-

кратка из членов парламента рожала, ее парный партнер, по наущению ее парторга, голосовал в палате общин по злободневному вопросу. Как хорошо известно, еще в 1976 году достопочтенный Майкл Хезелтайн махал булавой в палате, отмечая, если так можно сказать, разбитую пару. Двадцать лет спустя трое наших парламентариев оказались спарены не только с тремя отсутствовавшими лейбористами, но и с тремя либдемами. Лейбористы нарушали парное соглашение бессчетное число раз. Они любят бахвалиться этим ближе к ночи в баре "Незнакомцы" [32]. Все эти примеры иллюстрируют хорошо укоренившийся обычай нагревать друг друга. Это конституционно оправданно, поскольку всем дает понять, что парламент — это прежде всего нормальное, далекое от совершенства место, теплое и проникнутое человеческими чувствами. Я также должен добавить, что парные соглашения гораздо менее практикуются на важных голосованиях. Вернуть этих членов парламента из Вашингтона было вполне разумным решением, поскольку на кону стоял жизненно важный вопрос национального значения. Разумеется, оппозиция поднимает хай.

---

[32] Примечания: 32

Англ. The Strangers' Bar — один из баров в Вестминстерском дворце для членов парламента, должностных лиц и их гостей.

Это их работа. Кое-кто из них дуется на то, что Хорас Крабб голосовал с нами. Так вот, мой ответ на ваш вопрос: нет, категорическое нет — ни я, ни кто-либо из членов моего правительства извиняться не намерен».

Рождество было не сказать чтобы снежным, но вскоре погода наладилась. Первого января выпало немного снега, перед самым Днем Р, банковскими каникулами. Два дюйма снега не помешали миллионам англичан броситься в магазины, чтобы запастись деньгами для оплаты своих рабочих мест, когда они вернутся к работе после перерыва. Возникло несколько ожидаемых сложностей начального периода. Фанаты Джастина Бибера, прибывшие на концерт, ожидали, что им всем заплатят. Концерт пришлось отменить. Люди стояли у банкоматов, не зная, должны ли они засовывать банкноты в щели для дебетных карточек. Но январские продажи стали крупнейшими в истории. В магазинах смели все товары — огромный толчок для экономики, по мнению некоторых. Новость о том, что Сент-Китс и Невис выходят из торгового соглашения, едва ли кто заметил.

Премьер-министр, пребывая в рождественском настроении и в розовой бумажной короне, прида-

вавшей ему разгульный вид, раскинулся босиком в кресле, с чистым виски в руке и смотрел выпуск новостей, показывавший с вертолета очереди в милю вдоль Оксфорд-стрит. Ему хотелось сказать это вслух, но он ограничился мысленным монологом: все готово, работа сделана. Скоро он соберет коллег и скажет им, что пора начинать долгий марш-бросок во дворец, где родное племя будет приветствовать их как героев.

Вечером, накануне последнего заседания кабинета, премьер отправил всех коллег по домам и велел полисмену на посту держать дверь открытой. Всем членам кабинета предстояло оставить человечьи тела на своих рабочих местах, чтобы их могли занять законные владельцы. Джим оставил свое тело на кровати, в комнате на чердаке. Поэтому для заседания он объявил строгую форму одежды: экзоскелеты. Сперва он подумал, что подобающим местом для собрания будет стол в кабинете министров, но когда они достигли кабинета, путь до столешницы показался неблизким и довольно рискованным, учитывая гладкие ножки стола. Так что они собрались в углу кабинета, за мусорной корзиной, и гордо встали в круг. Премьер был готов произнести вступительное слово, когда коллеги грянули нестройным хором

«С днем рожденья тебя». После чего нервозно оглянулись на дверь. Бдительный страж порядка их не услышал.

Заседание кабинета министров проходило на феромонном языке, который передает информацию в десять раз быстрее обычного английского. Джим только собрался что-то сказать, как Джейн Фиш предложила выразить ему благодарность. Она похвалила премьера за «целенаправленность в сочетании с обычным для него ухарским шармом и юмором». Теперь Британия осталась одна. Так говорили люди. Гений нашего партийного лидера заставил их переступить черту. Теперь их судьба в их руках. Разворотизм вступил в силу! Больше никаких колебаний и задержек! Британия осталась одна!

При этих громких словах Джейн Фиш так разволновалась, что не могла продолжать, но это было неважно. Ее приветствовал единодушный шелест пластин и рудиментарных крыльев. Затем каждый министр добавил что-то от себя, а последним высказался новый министр иностранных дел, Хамфри Баттон, недавно повышенный с должности министра обороны. И все запели хором: «Ведь он такой славный малый».

Прежде чем начать свое обращение, премьер

вышел в центр круга. Когда он говорил, усы его дрожали от избытка чувств, и он медленно кружился на месте, обращаясь к каждому.

— Дорогие мои коллеги, спасибо вам за эти добрые мысли. Они глубоко меня тронули. В эти финальные моменты нашей миссии мы держим ответ перед истиной. Одну из них мы никогда не скрывали от наших драгоценных граждан. Для того чтобы могучие машины нашей промышленности, финансов и торговли смогли развернуться, они сперва должны замедлиться и остановиться. Грядут тяжелые времена. Возможно, что до крайности тяжелые. У меня нет сомнений, что борьба с трудностями закалит людей этой великой страны. Но это нас уже не касается. Теперь, когда мы оставили наши временные, инородные тела, нам открываются более глубокие истины, которые мы вправе восславить. Нашему виду не меньше трехсот миллионов лет. Каких-то сорок лет назад мы были маргинальной группой в этом городе — нас презирали и попирали, над нами глумились. В лучшем случае с нами просто не считались. В худшем — ненавидели. Но мы держались своих принципов, и наши идеи — поначалу очень медленно, но постепенно набирая темп, — возобладали. Наше главное

убеждение оставалось неизменным: мы всегда действовали в своих насущных интересах. Как гласит наше латинское название, *blattodea*, мы не любим света. Мы понимаем и любим темноту. С некоторых пор, примерно последние пару сотен тысяч лет, мы живем рядом с людьми, усвоив их особое пристрастие к темноте, хоть они и не настолько преданы ей, как мы. Но всякий раз, как у них наступают темные времена, мы процветаем. Когда они живут в нищете, грязи и склоках, наша сила возрастает. И нам удалось — извилистыми путями, методом проб и ошибок — выяснить предпосылки для такого падения людей. Это, разумеется, война и глобальное потепление, а в мирное время — незыблемые иерархии, концентрация богатства, засилье предрассудков, сплетен, обособленность, недоверие к науке, интеллекту, к чужакам и социальному взаимодействию. Вам это известно. В прошлом мы переживали великие невзгоды, такие как строительство канализаций, отвратительный вкус чистой воды, разработка микробной теории, мирное сосуществование народов. Надо признать, мы понесли урон от этих и многих других бесчинств. Но мы давали сдачу. А теперь, как я верю и надеюсь, мы задали предпосылки для

нашего возрождения. Когда это редкостное сумасбродство, разворотизм, приведет к обеднению большинства людей, что неизбежно, мы будем процветать. Если приличные, добропорядочные, обычные люди были одурачены и должны страдать, их утешит знание, что другие приличные, добропорядочные, обычные создания, вроде нас, будут счастливы, несмотря на возрастание нашей численности. Чистая сумма всеобщего благосостояния сохранится. Правосудие останется неизменным. Вы хорошо потрудились на нашей миссии за эти несколько месяцев. С чем я вас и поздравляю и за что благодарю. Как вы усвоили, быть *Homo sapiens sapiens* не так-то просто. Их желания так часто вступают в противоречие с их разумом. В отличие от нас, пребывающих в целостности. Каждый из вас приложил свое человеческое плечо к колесу популизма. Вы видели плоды вашего труда, ибо колесо это начинает вращаться. Теперь же, друзья мои, пришло нам время выступить на юг. К любимому дому! Прошу, колонной по одному. Не забудьте повернуть налево, как выйдете за дверь.

И хотя он не обмолвился об этом, он понимал, что каждый из его министров сознавал ожидавшие их опасности. Был ранний пасмурный

вечер, когда они выскользнули через открытую дверь, мимо бдительного полисмена. Они были рады зимнему ненастью. Благодаря ему они не заметили маленького существа, спешившего к дому номер десять, чтобы вернуться в свое тело. В течение получаса группа Джима прошла под воротами Даунинг-стрит и достигла Уайтхолла. Они пересекли тротуар и спустились в канаву. Давно уже здесь не было навозной кучи. Живой лес ног в час пик загрохотал над ними. Чтобы достичь Парламент-сквера, потребовалось полтора часа, и там с ними случилась беда. Они ждали на светофоре, готовясь ринуться через дорогу. Но Тревор Готт, канцлер герцогства Ланкастерского, выскочил вперед всех, как с ним не раз бывало, и тут же исчез под колесом мусоровоза. Когда движение остановилось, весь кабинет бросился ему на помощь. Он лежал на спине и был поистине плоским. Из-под его панциря выступала плотная, кремово-белая субстанция, редкостное лакомство. Этой ночью они будут пировать и вдоволь повеселятся, а сколько удивительных историй смогут рассказать…

До того как светофор переменился, храбрецы как раз успели перевернуть павшего товарища и бережно положить ничком. Затем каждый из

министров взял его за ногу, и они засеменили в направлении Вестминстерского дворца.